

Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi Azərbaycan Dillər Universiteti

TƏRCÜMƏ VƏ TRANSMİLLİ PROSESLƏR

Beynəlxalq Konfrans 14-15 Aprel

Bakı 2005

Azerbaijan Ministry of Education
Azerbaijan University of languages

TRANSLATION AND TRANSNATIONAL
PROCESSES

International Conference April 14-15

Baku 2005

Redaksiya heyəti:

**Elmi işlər üzrə prorektor, dos. Dünyamin Yunusov Beynəlxalq əlaqələr üzrə prorektor,
dos. Jalə Qəribova Kafedra müdiri, fil. e. d. Şahin Xəlili Unesco kafedra müdiri, dos. Fialə
Abdullayeva Kafedra müdiri, dos. Qılıncxan Bayramov**

«ADU NƏŞRİYYATI» MMC
Mətbəəsində çap olunmuşdur
Direktor A. H. Balayev
R. Behbudov, 60
4410643

*Доцент Шафига Абдуллаева
АУЯ, кафедра перевод
немецкого языка*

**Координация научно - методической и исследовательской работы
Азербайджанского Государственного Университета Языков с
неязыковыми вузами - один из путей повышения
качества обучения переводу в республике**

Иностранный язык является один из общеобразовательных предметов, преподавание которых в вузе далеко не легкая проблема, если учесть целый ряд трудностей и нерешенных проблем, которыми нам приходится сталкиваться ежедневно. До сих пор нет единого мнения не только по поводу методов и приемов обучения, но и целевой установки преподавания иностранных языков в неязыковом вузе.

Существующий разнобой во взглядах и мнениях «чему учить» и «начнем учить» не нашли еще окончательного решения и приобрели исключительную активность в современных условиях нашей работы.

За последнее время в методической и научной литературе появилось весьма мало работ, рассматривающих комплексного и обще программного обучения переводу иностранных языков.

Большинство этих работ доказывает важность научного подхода к решению практических задач обучения с целью большей эффективности и интенсификации учебного процесса.

Предлагаются различные методы и приемы обучения, иногда противоречивые и исключаящие друг -друга, так что часто бывает трудно сделать правильный выбор и найти оптимальный вариант.

Кроме того, серьезная перестройка в нашей Республике, как правило, предполагает создание учебных пособий, словарей и другой литературы по теории и практике перевода, что бывает не над силу одному вузу, как с точки зрения создания, так и печатания.

При высоком едином требовании к курсу иностранного языка в неязыковых вузах до сих пор нет единых условий, позволяющих достичь поставленную цель обучения.

В свете этих задач, трудноразрешимых в наших условиях, большое значение приобретают деловые контакты и конференции, на которых можно будет совместно обсудить наболевшие вопросы, обсудить и выбрать наиболее приемлемые методы и приемы обучения, перенять друг у друга учебно-методическую работу так, чтобы каждая кафедра иностранных языков неязыковых вузов Республики, могла выполнять часть общей программы, не дублируя работу других.

Для осуществления вышеуказанного, нам кажется, было бы целесообразным при Азербайджанском Университете Языков создать координационный центр кафедр иностранных языков неязыковых вузов и кафедр перевода самого университета. Думается, что при опыте данного сотрудничества обеих сторон можно за относительно короткий срок подготовить необходимую базу для успешной перестройки обучения вообще и переводу.

Assistant professor Gilinjkhan BAYRAMOV
AUL, Department of Theory and
Practice of English Translation

From practice to theory

The first examples of translation are met in the ancient Egypt. They were translations of some pieces of the ancient Sumerian epos Gilgamesh into several Asian languages. Translation, including interpretation, appeared and developed because of the need of communication among the peoples speaking different languages. The hieroglyphs found in Cataract show that two languages were used to interpret the text. The Rosetto Stone referring to the second century BC helped to decode the ancient Egyptian hieroglyphs. Among the texts there was a translation from Greek. It is also known that when the Jews returned home from captivity in Mesopotamia, they could not understand the language of the Holy Scriptures and demanded that they should be translated into the language that they understood. Since the third century the main examples of the Greek literature began to be translated into Latin. Approximately in 1300 BC the Old Testament was translated from Greek into Modern Hebrew. As it is said, Joseph, son of Jacob, spoke a different language, when he was saved by a caravan (he was thrown into a well by his brothers because of envy that their father seemed to love him more than the rest of his sons) and taken to Egypt. Later when he met his brothers, he communicated with them through an interpreter. The brothers did not recognize him and did not know that he understood them.

During the rule of Pharaoh Psamtik II (594-588 BC) young boys were sent from Egypt to Greece to study Greek and then become interpreters. As it is said, when Alexander of Macedonia fought against Iran, a young man of the Persian origin accompanied him from Lycia. During the rule of Darius (513 BC) in Persepolis, capital of the country, there were inscriptions on a monolith stone in the Persian, Accadian and Elamic languages. During the rule of Cyrus, founder of the monarchy in Iran (600- 530 BC), the Aramic language was widely used as an official language; still bilingualism was widely spread among the common people.

Ronald Ruth mentions two interesting cases in connection with interpretation in the antiquity: Artaxerxes I (464-504 BC) sends a man by name of Artafernes, who knew two languages, to Sparta to tell the officials there that their interpreters spoke so badly that it was impossible to understand them. The second case is connected with Alexander of Macedonia. He wanted to know much about the religion in India. He talked to the Indian priests with the help of three interpreters. The priests understood that the interpreters knew the language, but not the philosophy of their religion. They advised the interpreters to filter their thoughts and purify them like water.

The sources evidence in the post-Alexandrian period the Jewish scholars for the first time translated the Old Testament into Greek. One of the most prominent translators of the antiquity was Cicero. He was a statesman, scholar, lawyer and writer. The first theoretical views on translation belong to him. He thought that a translator should be either an orator, or a writer. His language competence must not be restricted with the knowledge of the languages only. He criticizes the literal translation and calls it the job of a non-professional. But the Jewish scholars who translated the Old Testament thought that true picture of the source text could be created by a literal (word-for word) translation only.

Horace, who came next to Cicero, supported the idea of word-for-word translation; he recommended reflecting the imagery, syntactical and semantic structure of the source text in translation.

After Horace translators like Aquilla, Ulphitas, Saint Jerome and Botius translated the Old and New Testaments. Saint Jerome criticized word-for-word translation and advocated sense-for-sense translation. Botius translated Aristotle and Plato and for the first time used the method of commentary.

We have inherited two ideas from antiquity on translation: word-for word translation and sense-for sense translation. Translators use both of them for different purposes. The Middle Ages (500-1500) is a period of great changes and anarchy. The Islamic Empire expanded its borders and reached Spain. It assisted greatly to the development of civilization there. Christian, Jewish and Islamic scholars were engaged in various studies and translated the books written in the ancient Rome and Greece into Arabic.

The greatest translators of this period were the king of the West Saxons Alfred the Great, Alfric, Moses, Chaucer, Bokenham, Lydgate and Caxton. The characteristic features of the epoch in the sphere of translation were fidelity, birth of echo translation, borrowing of foreign words in big quantities for the expression of foreign notions, Anglicization of poetic canons alien to English.

The most outstanding translator in the XVI-XVII centuries was Martin Luther, who translated the Bible into German. According to him, a translation must be understandable. For the first time he suggested that the translation should be done directly from the source text. He also thought that in the process of translation certain changes are inescapable, e.g., change of the word order, use of modal words and connectives, transformation of a phrase by a word or vice-versa, of a metaphor by non-metaphor, omissions and additions.

William Tyndale continued the traditions of Martin Luther in England. He translated the Old Testament into English for which he was burned in 1563. For the first time it showed that translation is a political problem, which is to be observed and not contradict the domestic policy. It is still the same at present. For instance, the official reason of assassination of the late Academician Ziya Bunyadov is connected with the translation of the History of Albania from Grapar in which there were insults to the address of Prophet Muhammad.

The next two centuries are also characterized by views connected with the translation of Holy Scriptures. The principle of fidelity goes beyond the boundaries of word-for-word translation, the translators are advised not to ignore the form and style of the source text. In these two centuries Freedom in translation is put against word-for-word translation. Technical translation is widely spread. Translation theory begins to develop. A. F. Tytler writes his Essays on the Principles of Translation. Tytler thought that the translation must not only be faithful to the source text, but also must also reflect the style of the original and be read easily as the source text. He suggested that poets should translate poetry.

In the XIX century John Keble wrote *Ms Translation from the Dead Languages*. He thought that the translation must introduce the sense of the source text as it is and must not beautify it. In the same century Richard Burton translated the *Arabian Nights* into English and then explained his translation principles in the book *Love, Fancy and War*.

In the XX century the number of theories on translation grows. Theorists and translators begin to look for answers to such questions like what is translation for? What is the best translation? What is the best translation methodology? What qualities should a translator possess? Translation is classified from different angles. For instance, translation, version, paraphrase, interpretation, literal, retrospective, prospective, adaptation, sender-oriented and receiver-oriented translations, semantic and communicative, art and pragmatic translations, communicative and informative translations, etc. In the XX century with the birth of structuralism in linguistics new ideas appear in translation. Chomsky's deep and surface meanings are applied to the process of translation, which means that not the surface meaning, but the deep meaning should be taken into account, i.e., the translator must discover the deep meaning and find a correspondence for it not on the surface level in the target language, but in the deep level of it. Another theory, which appeared in this century, is the Skopos theory developed by the theorists in Germany. Skopos is a Greek word, which means purpose. According to this theory, everything begins with the determination of the purpose of translation, i.e., first the purpose is defined, and then the strategy is chosen. This theory is fit mostly for the translation of pragmatic texts. Strategy is the choice of methodology for the text chosen for translation. Both strategy and methodology are connected with cultural, economic and political factors. The most applicable strategies are domestication and foreignization.

Politics has always played an important role in translation, both in the choice of the source text and strategy. Translation is done for some purpose, it must satisfy the needs and demands of the client and at the same time fit the level of his understanding, his morals. For example, Bible is one of the much-translated texts in the world. What is the reason? The aspirations of the Christian churches to achieve the expansion of Christianity through making people read and understand it. But each time in the process of translation it has undergone modifications, suited to the level and understanding of the receiver. It has been simplified and adapted for children, for peoples who still do not have written languages. Bible for adults and Bible for children are quite different because they have been translated for different social groups; it means that the translators have used the domesticating strategy. Such examples of translation exist in the Azerbaijani translation practice, too. For instance, Salinger's the "Catcher in the Rye" has been translated into Azerbaijani by T.Veliyev. The book-speaks about the life of a schoolboy in the United States. The speech of the boy is full of four-letter words; he uses them about his parents, friends, and teachers indistinctly. We can call him simply a nasty boy. But in the Azerbaijani translation all these four-letter words have been either omitted, or softened, thus being adapted to the moral standards of its readers.

Перевод как средство развития активных навыков владения языком

1. Одним из важных элементов обучения иностранному языку в языковом вузе является обучение переводу с одного языка на другой. Двужычие, являющееся результатом овладения иностранным языком, делает каждого выпускника института (факультета) иностранных языков потенциальным переводчиком, независимо от того, каким видом профессиональной деятельности ему в основном приходится заниматься. В последние годы все большее число выпускников языковых факультетов направляется на работу непосредственно в качестве переводчиков различного профиля во всевозможные государственные учреждения и общественные организации или используются на работах, близких к переводческой профессии (гид, референт, библиограф, редактор и т.п.). Поэтому развитие переводческих умений и навыков следует рассматривать как одну из важных целей обучения иностранному языку в языковом вузе.

Собственно - педагогическим аргументом, подтверждающим необходимость целенаправленной работы по овладению навыками перевода, является то, что выпускники факультетов иностранных языков педагогических вузов в качестве преподавателей школ и иных учебных заведений сами также должны прививать учащимся хотя бы элементарные навыки перевода, поскольку в практической деятельности любого члена нашего общества двуязычие неизбежно влечет за собой те или иные языков»-посреднические, т.е. переводческие функции.

2. Перевод представляет собой специфический вид языковой деятельности, не исчерпывающийся навыками однозначного речевого поведения. Перевод, с одной стороны, предполагает оптимальное овладение такими навыками, как чтение, аудирование, письмо и говорение, по, с другой, - требует, в - первых, специфического сочетания и совмещения во времени и, во-вторых, постоянной координации двух языковых систем и параллельных речевых действий на двух языках — иностранном и родном.

Поскольку в современной теории перевода имеется целый ряд определений перевода как языковой деятельности, с различной степенью полноты отражающих разные стороны этого многогранного явления, нам представляется целесообразным принять следующую, несколько упрощенную формулировку в качестве рабочего определения, вполне отвечающего задачам данного практического пособия.

Современная теория перевода не выработала еще единого, приемлемого во всех отношениях определения перевода как языковой деятельности.

В методической литературе часто употребляется термин «учебный перевод», осуществляемый с учебной целью, однако, по установившейся традиции, иод учебным переводом понимают в основном перевод как средство обучения языку (или беспереводному владению языком), тогда как учебные упражнения переводного характера, направленные па выработку специфически переводческих умений и навыков, под это понятие не подводятся. Такое разграничение вполне оправдано, так как ему соответствуют и существенные различия в практических целях и методах учебной работы.

Учебный перевод применяется, начиная с первых уроков иностранного языка, как средство проверки понимания слов и форм иноязычного текста, как подготовительное упражнение к беспереводному пониманию иноязычного текста, как прием проверки правильности употребления усвоенных элементов иностранного языка (перевод с родного языка) и т.д.

Учебный перевод всегда характеризуется четко ограниченной постановкой задачи, достаточно узко очерченным выбором средств перевода, сознательным воздействием

экстралингвистических факторов.

Обучение переводу (т.е. «профессиональному переводу», поскольку «учебный перевод» - это средство, а не цель обучения) тесно связано с общими целями обучения иностранному языку в специальном высшем учебном заведении.

Задачи обучения переводу формулируются в виде нормативов для разных видов переводческих работ с тематическим ограничением, вытекающим из ограниченности языковых знаний студентов по окончании языкового вуза.

Программные требования, отвечающие нуждам практической работы, имеют примерно следующий вид:

1) Переводить письменно с иностранного языка на русский современные газетно-информационные, публицистические, общественно - политические и научно - популярные тексты со скоростью 1500 — 2500 печатных знаков за 1,5 часа.

2) Переводить письменно с русского или азербайджанского языков на иностранный тексты такого же типа, но не содержащие особых лексико-стилистических сложностей, со скоростью 1200 – 1500 печатных знаков за 1,5 часа.

3) Вести двусторонний перевод беседы в нормальном речевом темпе (около 250 - 300 слогов в минуту) при длительности отдельных отрезков речи в 1 - 1,5 минуты.

4) Выполнять последовательный перевод на слух монологической речи с иностранного языка при длительности отдельных отрезков речи не более 5 минут.

5) Переводить устно с листа информационные и общественно — политические тексты с иностранного языка на русский со скоростью 1500 печатных знаков за 5-6 минут. Для того чтобы добиться выполнения этих задач, необходима длительная и систематическая работа над данным аспектом языковой деятельности, т.е. преподавание перевода целесообразно выделить в отдельную языковую дисциплину, отводя для нее достаточное количество учебных часов в общем, бюджете времени.

В зависимости от суммарного фонда времени, отведенного на обучение иностранному языку, на перевод как отдельную дисциплину может быть выделено примерно от 10% до 25%, т.е. от 100-120 до 500-600 часов (при специализированной подготовке переводчиков).

В отличие от обучения другим практическим аспектам языка, обучение переводу целесообразно начать на более поздней стадии, когда учащиеся овладели значительным объемом знаний лексики, фразеологии, грамматики и стилистики, достаточным для беглого чтения и аудирования естественной речи на иностранном языке, и в достаточной мере знакомы с общими закономерностями языковой системы, (т.е. усвоили материал систематического курса грамматики и лексикологии).

В наиболее полном виде курс перевода представлен на специальных факультетах (отделениях) переводчиков, имеющихся в Азербайджанском Университете Языков.

В состав курса перевода входят следующие аспекты:

а) введение в теорию перевода;

б) перевод с английского языка на русский (письменный);

в) перевод с русского языка на английский (письменный);

г) устный перевод.

Большую, если не решающую роль в обучении переводу на всех ступенях играет развитие у переводчика способности отличить удачный перевод от неудачного, умения аргументировано обосновывать и отклонять тот или иной вариант перевода.

Опыт показывает, что легче выработать у обучаемого сознательное отношение к «чужому» переводу, чем к своему собственному. Это вполне объяснимо и

психологически. Поэтому, наряду с переводными упражнениями, на первых же занятиях следует, проводить «демонстрационный анализ» опубликованных переводов. Правда, печатный текст всегда обладает некоторой избыточной авторитетностью и в силу этого удерживает студента от выражения критических замечаний, заставляя (и) усомниться в обоснованности своих возражений.

Преподаватель должен так дозировать положительные и отрицательные моменты, т.е. образцовые и не вполне удачные переводы, чтобы у студентов начала выработываться правильная оценочная установка как к имеющимся образцам и тем самым собственным знаниям и возможностям. Уверенность в себе должна сочетаться с должной самокритичностью, а готовность следовать образцом - со способностью к их обоснованной критической оценке.

Важнейшим условием овладения навыком перевода на родной язык является выработка умения разделять единый в его практическом осуществлении процесс перевода на два взаимосвязанных, но обладающих своей ярко выраженной спецификой этапа - понимание текста и собственно перевод.

Практикуемый на младших ступенях обучения «учебный перевод» не подводит учащегося к осознанию этой свойственности, так как на начальной стадии элементы родного языка используются в несвойственной им в естественной ситуации роли идентификаторов тех или иных элементов изучаемого иностранного языка. Иначе, говоря, родной язык, приспособляясь к нуждам преподавания, становится метаязыком по отношению к изучаемому языку: из средств родного языка формируется особый, чем-то отличающийся от естественного языка «метаязык учебного перевода». Однако этот процесс не осознается учащимся, да и преподаватели обычно не концентрируют на нем внимания, тем более, что известных пределах тексты «переводного метаязыка» не отличаются от текстов естественного родного языка, и метаязык в силу этого как бы «врастает» в родной язык, растворяется в нем.

Чисто переводческий характер носят знания и навыки, связанные с применением различных способов трансформации, поэтому ознакомление с ними и овладение практикой их использования является одним из основных элементов обучения переводу. Трансформации облегчают поиск оптимального соответствия.

Представление о трансформациях является существенной составной частью переводческих знаний, а умение их применять является одной из основ, на которых выработываются переводческие навыки. Качественные и количественные трансформации семантического и формального характера (сужение и расширение значения, логическое развертывание и антонимическая замена, добавление и опускание слов, слияние и разделение предложений, изменение порядка слов и синтаксической структуры, замена одних частей речи другими и разнообразные межуровневые перестройки и т.д.) должны разясняться на конкретных примерах. В ходе обучения переводу преподаватель следит за тем, чтобы студенты не упускали возможности осуществить трансформацию, если без нее перевод не отвечает всем требованиям.

Работа по аспекту «устный перевод» координируется с работой по письменному переводу и практике языка как в смысле использования того же набора эквивалентов, так в смысле распределения тематики для обеспечения оптимального соответствия между подлежащим усвоению языковым материалом и видом развиваемого на его основе переводческого навыка.

Рекомендованная литература:

- 1. Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков в кн.: Чтение. Перевод. Устная речь. Методика и лингвистика. Л., 1977.**
- 2. Jerry G. Gebhard. Teaching English as a Foreign or Second Language. The University of Michigan, 1999.**
- 3. Jack C. Richards and Theodore S. Rodgers. Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge University Press, 1986.**
- 4. И.Л. Бим. Общая методика обучения иностранным языкам. М., 1991.**

Grammatical difficulties of translation

In order to translate English sentences into Azerbaijani or Russian correctly and quickly it is not enough to have elementary knowledge of grammar and vocabulary. Translation of sentences threading the words the meanings of which are found in the dictionary in the same way as they are in the English sentence does not give good results.

The reason for this is that English, Azerbaijani or Russian sentences expressing one and the same thought is not a mechanical combination of the same notions indicated by foreign words. Words in sentences of different languages are combined together according to the laws and rules characteristic of a given language. That is why the knowledge of principles of sentence constructing in the given language is the necessary condition to find one's way in the text, it is even more important for understanding and translation than the knowledge of a great number of words. It does not, however, mean that the mastery of some universal technique (methods) is enough for translation, which could make it possible to start translating with a limited vocabulary and insufficient knowledge of elementary grammatical rules. To begin translation it is first of all necessary to know fundamentals of grammar and have certain vocabulary, especially functional words. Only then the knowledge of main general principles of translation can help considerably at the beginning of language study and in the translation.

Grammatical phenomena of this or that language connected with regularities of its development are generally different from those of the other language, though there may be similarities between them in some cases. And from here grammatical difficulties of translation emerge - both in morphology and syntax. That is why special attention in translation should be paid to differences or dissimilarities between the two languages. Generally there are three main types of divergences between the language from which translation is done (the original language or the source language) and the language into which translation is done (the language of translation or the target language).

First i- one language phenomenon is present in the original language but it does not have formal - grammatical equivalents in the mother tongue (for instance, the article in English, the difference between the meanings of the indefinite and definite articles, the compound forms of the past tense and their absence in the mother tongue).

Second - when in the language into which translation is made there are elements, which do not have formal equivalents in the original language.

Third - grammatical elements of the mother tongue are formally similar to those in the original language, but differ from them in their functions.

One of the difficulties in the translation from English into Russian or vice versa is the passive voice construction. In English there are more passive constructions than in Russian. It is explained by the fact that in English the passive voice is found not only with transitive verbs as it is in Modern Russian, but also with intransitive verbs. We must note that in English there are some transitive verbs the meanings of which correspond to intransitive verbs in Russian, such as answer, follow, join, influence, etc. In English these verbs can be used in direct passive, but in Russian not.

I suspect that I have been followed and watched in London for the last four days.
Подозреваю, что за мной следили в Лондоне...

Some transitive verbs, which can take both a direct and an indirect object, form two passive constructions. He gave me a book - I was given a book

A book was given to me.

The first variant is more usual in Modern English now. The indirect passive has no equivalent in Russian and the help of indefinite - personal construction can do the translation
The boy was shown the way. Мальчику показали дорогу

Sometimes the passive constructions with the same verb may differ semantically.

John was offered a good job – Джону предложили хорошую работу. A good job was offered to John – Работа было предложена Джону (а не Питеру). In Russian there are no passive constructions with intransitive verbs and the help of indefinite - personal constructions with a prepositional object can do the translation of English prepositional passive forms into Russian. За докторам послали - The doctor was sent for.

The prepositional passive is also possible with some phraseological equivalents of verbs with a prepositional object. The child should be taken care of - О ребенка следует позаботиться.

The boat was soon lost sight of in the fog – Вскоре корабль скрылся в тумане.

We should pay attention to the passive constructions, which are mostly used with the verbs to sleep and to live. The bed has not been slept in – Здесь не ночевали – Здесь никто не ночевал. The cottage looked as if it had never been lived in – Коттедж выглядел так, как будто бы в нем никогда не жили.

We must also take into consideration that not always the English sentence with a verb in the passive voice is translated into Russian by a passive construction.

; i Rhetorically, we may ask ourselves, "Is a perfect translation possible from one language to another?" Even translating from English into Russian is difficult, though English and Russian are related languages. The task of the translator is complex. Between any two languages, denotations and connotations can vary tremendously. The translator must tread a narrow path between literal translation and free composition. Differing connotations between words that are literal equivalents force him one way, but if he goes all the way, he ends up with a new composition in the second language. Bible translation offers many examples. A phrase, "from the heart," occasionally is rendered, "from the liver" or "from the throat", or even "from the belly", depending on the language being used. The problem is compounded when faced with the task of translating the literature of one language into the literature of another. Boris Pasternak and Alexandr Solzhenitsyn electrified the world with their books containing an implied tone of criticism of the Soviet Union. Yet when a book of Pasternak's earlier poems was reviewed by the New York Times, the reviewer, while admitting that the poems had been competently translated into English, still maintained that they were more than an echo of the originals.

Of course, the translator just cannot satisfy everyone's notion of what is a good translation. The Italians put it well: "Traduttore - traditore" which means "Translator - traitor."

On ethical rules of translators and interpreters

Important changes have taken place in the social, political, economic and cultural life of our Republic since the end of the 90s of the last century when Azerbaijan gained independence. Therefore an interest in our country has increased, and international relations in different spheres of life have started to develop. The expanding international cooperation has necessitated the establishment of mutual relations and communication on high level. Consequently, the need for translation and interpretation has become much greater than ever and focused the attention on the questions related to this profession.

If we take into consideration the fact that most of the questions cover the relations the interpreters and translators encounter in their daily activities and that the appropriate experience in our country is limited, we would find it efficient to start the solution to the problem with the analysis of and reference to the ethical rules and regulations adopted for translators and interpreters abroad. For that purpose we have reviewed and analyzed the documents reflecting the ethical codes of a number of professional associations and some website articles related to this profession as well.

The analysis of the respective documents enables us to generalize the features peculiar to most of them. What are they?

Firstly, all the reviewed documents present the linguistic knowledge of translators and interpreters as the primary requirement, and translating from a foreign language into the translator's mother tongue is preferred. According to the Code of Professional Conduct and Business Practices of the American Translators Association, "The mastery of the target language equals to that of an educated native speaker.."

Much importance has always been attached to this requirement in the training of translators and interpreters in Azerbaijan too. Even before the Translation Faculty had been established, the diploma of the University graduates with foreign language specialization reflected the achievements they had gained in mainly two foreign languages (English + French or English + German), mother tongue, and Russian as well.

Secondly, all the documents require a special knowledge from translators and interpreters. This idea is emphasized in ATINS Code of Ethics as well: "Translators and interpreters must have extensive general knowledge and a good grasp of the subject matter dealt with in their work. They have an obligation not to undertake work for which they are not qualified"². However, in our case, on the Bachelor's level under the circumstances the specialized training enabling our graduates to start their professional activities as translators and interpreters on the required level in different fields of industry, science, as well as medicine still leaves much to be desired. We have to be content ourselves only with teaching them the general knowledge related to economy, law and politics and the rules how to use the appropriate terminology in the languages they are studying. Presently our translators' and interpreters' specialization in a definite field mainly starts only in workplaces they are employed. As regards the translators' undertaking work in which they are not qualified, such things often take place in practice. While one reason for it is the lack of qualified translators or their absence at the required moment, the other reason is either some people overestimate their own competence or they do it forcibly or they are tempted by the payment they are offered.

One of the most common features peculiar to the translators' compulsory ethical rules is the requirement for maintaining confidentiality. According to Ethical Code of Professional Conduct and Business Practices of the American Translators Association, the translator ... "will safeguard the interests of his clients as his own and divulge no confidential information". In AIIC Code of Professional Ethics they are "refrained from deriving any personal gain whatsoever from confidential information they may have acquired in the exercise of their duties as conference interpreters"⁴. Also, they are not relieved of this obligation on the expiry of their contract.

What is the situation like in Azerbaijan in this connection? First, our laws do not provide a separate provision requiring confidentiality from translators, only individual clients signing a written contract with translators can include the confidentiality issue in the text of their contract. If we take into consideration the fact that in many cases, in the translation practice in Azerbaijan the relations and the imposed conditions between the client and the translator are not based on a written document, but more often on "a gentleman's word" we can easily come to the conclusion that the maintenance of confidentiality depends on a translator's consciousness and confides in his professionalism. It should also be pointed out that the law on state secret has recently been validated.

Fidelity, accuracy and punctuality are among the most important rules too. CEATL Code of Ethics for Literary Translators reads, "The translator shall refrain from introducing any tendentious modifications to the thoughts or words of the author, and from cutting or adding to the text without the express permission of the author or rights holder"⁵.

"Fidelity" is used to denote the notion of conveying the message faithfully. "Punctuality" requires from the translator to submit his/her translation before the deadline. Article 2 in Code for Contractual Translation (International Association of Conference Translators) reads, "The work of the contractual translator shall be of the highest possible quality. The contractual translator shall refuse any task that he or she feels is beyond his or her competence. The contractual translator shall respect the established deadlines, meet the terms agreed with (he employer for the physical presentation of the translated document and undertake any linguistic, terminological or other research that may be necessary, on the understanding that the employer will provide any documents and reference material likely to contribute to the quality of his or her work".⁶ In the case of interpreting "punctuality" means arriving at the workplace in time.

In AIIC Code of Professional Ethics it is said, "Members of the Association shall not accept more than one assignment for the same period of time"⁷.

Ethical codes consider it to be a translator's duty to develop his/her profession, to facilitate and support his/her colleagues. The codes criticize all forms of unfair competition. (On the contrary, they advocate the translators' respect for their colleagues' opinions.

As there is no close coordination among translators in Azerbaijan, the clients manage to make unpleasant maneuvers in remunerating the translator. For instance, it is not hard in the least to turn to another translator the next time without paying the first translator his/her due. But if translators warn one another against that client, that would decrease the number of unpleasant cases. Though, like in the case of confidentiality, the above-mentioned rule hasn't found its reflection in our laws yet, we warn our students against such instances at our lectures and seminars.

The codes also establish a number of rights for translators. For instance, they can unite as an organization. Without translator's consent the author or the client does not have a right to make changes in his/her translation. In order to fulfill the task on high level the translator should be given the time he/she needs. Though in most cases we have to undertake such tasks at the cost of our health and sleep, this condition is not taken into account when it concerns to our payment. The translator should be provided with documents and information necessary in

his/her work when possible. This is the source for a number of disagreements, especially in simultaneous and consecutive interpreting. There are more challenges in translating the intricate ideas when a non-native speaker of English speaks English. But if those officials and experts give the text of their presentation to the client and through him/her to the interpreter, the interpreter can have a chance to get acquainted with the issue, the speaker's individual style and vocabulary. AIIC Code of Professional Ethics stipulates: "Interpreters...shall require that working documents and texts to be read out at the conference be sent to them in advance;"⁸ the performance of any other duties except that of conference interpreter at conferences for which they have been taken on as interpreters should be based on a special agreement. Code for Contractual Translation requires, "The contractual translator shall not be obliged to undertake elaborate formatting of translated documents (columns, tables, graphs, etc.), particularly those provided by electronic means. Any operations of this nature shall be the subject of a separate agreement and shall be remunerated separately".⁹

According to the ethical codes, the client should be bound to approve the rights of a translator, like in the case of authors. The translator should refrain from any action likely to discredit his or her profession or disadvantage his or her colleagues. He/she should not accept any work at rates of pay unreasonably below those prevailing within the profession. In order to follow the above-mentioned rules, to carry out his/her duties properly and to benefit from his/her rights the translator or interpreter should update his or her skills, keep informed of innovations relating to the translation profession and its working tools and to his or her fields of specialization.

He or she shall take advantage of every opportunity for vocational training offered.

If we do not take into consideration the opportunities created by some companies for their interpreters and translators to attend certain courses, it is impossible to say more than a Couple of words about the translators training after graduation from the University. In the case of our University we can say that the teachers of our University who are involved in translation activities have very limited opportunities to get familiarized with the work experience in foreign Universities, beyond the meetings and conferences held at our University. In order to fill the above-stated gap, on the initiative of the UNESCO Chair in Translation Studies we have held a series of seminars and workshops. It has been for three years already that we have organized a number of interesting seminars conducted by Associate Professor G.Bairamov, Associate Professor Ch.Gurbanli, Associate Professor A.Zeynalov, Instructor U.Ibrahimov making the best possible use of the local specialists' potentials. One of the goals of the present conference is also to fill this gap. We can realize the seriousness of the issue if we think of the fact that some associations abroad require from their members to pass competency tests every two years.

Thus, when reviewing the ethical codes applied in foreign practice it became obvious that some of them are clear to the professional interpreters and translators in our country as well, for instance, good command of working languages, fidelity, specialized knowledge, etc. while some of the ethical rules are either alien to our context or not applied regularly. For instance, the written contract between the client and the translator, the remuneration of translators properly, the single list of prices, introduction of documents prior to the meeting, establishing favorable working conditions, translator's undertaking the task within his/her competence, etc. While one reason for it is the fact that professional translators are not united in a single organization, another reason is the non-professionals' desire and need in undertaking the job beyond their competence and doing it in inferior quality at low prices to earn their living. The most favorable and possible way of undertaking the control over the regulation of ethical relations in the translation practice is to take part in the meetings on translation issues, frequently focusing the attention on the problems through Mass Media and seeking solutions together.

Мензуре Мусаева,

НАА, Кафедра Английского языка

Эквивалентности художественного и технического перевода и проявление личности переводчика

Любой переводимый текст неотделим от человека, порождающего или воспринимающего его.

Эквивалентность, больше полная, может существовать иногда только на уровне реального мира. Понятия же об одних и тех же, то есть эквивалентных, предметах и явлениях действительности в разных языках различны, потому что строятся на разных представлениях в национально отличных сознаниях. Так же и слова живут своей разной словесной жизнью в разных языках, имеют разную сочетаемость, разные стилистические значения.

Действительно, «эквивалентные» слова различны и по объему семантики (дом шире по значению, home чем house, так как включает building, и block of flats, и condominium, и place, и motherland, и mansion), и по употреблению в речи (хотя home не включает многих из указанных значений), и по стилистическим значениям (ср. зеленые глаза и green eyes), и по возможностям лексической сочетаемости (ср. крепкий чай и strong tea). Но даже в тех редких случаях, когда все эти собственно языковые моменты совпали в разных языках, не следует забывать о внеязыковых различиях, то есть о том, что различны как сами предметы и явления, так и представления, понятия о них. Это вполне естественно и закономерно, поскольку различны наши образы жизни, мировоззрения, привычки, традиции, те бесконечные и разнообразные условности, которые определяют национальную культуру в широком смысле слова. Дом и house — это разные виды жилища, имеющие разную социальную и культурную структуру.

Отражение мира в языке — это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т. п. Язык, таким образом, отражает мир и культуру и формирует своего носителя. Он зеркало и инструмент культуры одновременно, выполняет пассивные функции отражения и активные функции созидания.

Известно, что переводы, сделанные разными переводчиками, и переводы, выполненные в разные исторические периоды, отличаются порой значительно друг от друга. Стилистическая, литературоведческая или лингвистическая интерпретация разных переводов позволяет ответить на многие вопросы, связанные с их жанровой принадлежностью и функционированием в общем контексте культуры, но не раскрывает полностью причины их появления и существования.

Возможно, что эти причины лежат гораздо глубже и объясняются не только и не столько принадлежностью автора текста и особенно переводчика к разным культурам, но и несовпадением их психологических характеристик.

На настоящий момент можно считать доказанным, что экстравертная и интравертная установка, присущая личности, а также особенности характера находят свое отражение в его речи. Хотя перевод является специфическим, репродуктивным видом речевой деятельности, хотя перед переводчиком и стоит задача, прежде всего, точно передать на другом языке особенности оригинала и максимально "подстроиться" под авторский стиль, ему все же не удастся полностью свести на нет речевые проявления его собственной личности.

Таким образом, текст перевода содержит своего рода маркеры, основываясь на которых можно сделать вывод о личностных особенностях человека, переведившего текст. Выделить маркеры в тексте перевода представляется возможным при возможном построчном сопоставлении его с оригиналом, а также, если есть такая возможность, с другими переводами того же текста. При этом существенным критерием является систематическая повторяемость того или иного явления: если трансформация встречается в тексте перевода единственный раз, вряд ли можно с точностью утверждать, что за ней стоит какое-либо психологическое содержание. Такие проблемы возникают в особенности при переводе художественной литературы, и можно сказать отсутствуют при переводе технической литературы, особенно при переводе технических и математических текстов, где основную часть составляют формулы, графики, описания приборов. Чаще всего в этих текстах существует набор стандартных предложений, которые имеют такие же стандартные эквиваленты в английском языке.

доц. Наталия Шейх-Заманова АГНА, кафедра философии и политологии

Логика как практическое руководство при переводе с русского на английский (из опыта самостоятельного изучения языка)

И специалисту, и не специалисту ясно, что перевод с родного языка на иностранный требует знания норм, закономерностей этого языка. Проблема в том, как овладеть этими нормами по возможности полнее, чтобы из богатого арсенала выразительных средств суметь выбрать то единственное, которое называют эквивалентом.

Никакой учебник, даже все учебники вместе взятые не могут отразить весь арсенал норм и средств выразительности языка.

Все богатство языка являет собой только сам язык во всех формах своего существования - от детской считалки до Диккенса, Джойса и Фолкнера. Только погрузившись в стихию слова, можно постигнуть ее нормы и закономерности. По мере погружения в стихию языка глаз становится «лингвистическим». Вспомним известное у Маркса «музыкальное ухо», «чувствующий красоту формы глаз». «Лингвистический» глаз, как пытливый ум в любом исследовании, - необходимое условие овладения языком.

Моему глазу открылась удивительная логичность английского языка, именно логичность, а не логика (специфическая логика языка - это другой вопрос).

Приведём ряд наглядных примеров "работы" логики.

Предложение Я люблю а) красные яблоки б) крепкий чай белых кошек
свободную одежду имеет два варианта перевода: I like a)red apples б)my tea strong
white cats my clothes loose

Объяснение - сугубо логическое: красные яблоки (белые кошки) существуют в природе, крепкий же чай (свободная одежда) - нет.

Аналогичны следующие примеры:

а)У нее длинный нос. - She has a long nose.

б)У нее длинные волосы. - She wears her hair long.

а)Я люблю высоких мужчин. - I like tall men.

б)Я люблю правдивых людей. - I like people to tell
the truth.

В предложении Он прибыл без документов (новостей) предлог без переводится

а)without documents

б)with no news

Объяснение: наличие документов обязательно, новостей же - нет.

Еще пример: He left a) without saying good-bye

б) with no explanation

Заслуживает внимания два варианта перевода вводного оборота насколько мне известно (догадываюсь) -

а) as far as I know

б) as near as I can guess

Здесь конкретными средствами передаётся едва уловимое, но существенное смысловое различие двух ситуаций.

Такая же логика «срабатывает» при переводе предлога до в выражениях до 500 слов (мельчайших

подробностей) -

up to 500 words down to the smallest details Слова птичка и бутылочка переводятся a little bird

a small bottle,

поскольку первое характеризуется размером, а второе -объемом. Таков английский язык, в котором любой, даже самый незначительный смысловой оттенок закрепляется в предложении конкретными средствами.

Оборот когда бы ни имеет три варианта перевода:

whenever

whatever time

whichever time

В предложении Today this difference is very marked indeed слово indeed не переводится, оно используется для обозначения фразового ударения на

слове very.

В следующих предложениях выражение на высоте

500 метров имеет два перевода:

Мы летим (Монумент стоит) на высоте 500м. - at

500 meters

500 meters high

Аналогичны два варианта перевода выражения на высшем (макро) уровне - at the highest level - on the macro level

В обоих случаях предлог at использован со значением у, у конкретного места некоей воображаемой Вертикальной черты.

Вспомним: at 60 an hour at \$10 a kilo at twenty below

В предложениях Я люблю свою комнату И хотела бы иметь свою комнату У меня была своя комната (получила в своё распоряжение на время)

словосочетание своя комната переводится соответственно смыслу каждого предложения:

I love my room

I would like to have a room of my own

I had a room to myself

Здесь уместно привести два варианта перевода слова любимый.

Где моя любимая трубка?

- Where is my beloved pipe?

Плов - моё любимое блюдо.

- Plov is the dish I love.

Логика английского языка исключает словосочетание my room (my beloved dish), если нет реального обладания предметом.

Из встречающейся во многих учебниках английского языка фразы Make sentences of your own должен извлекаться заключенный в ней логический принцип: поскольку предложений ещё нет в наличии, дословный перевод с русского языка Make your sentences - "подводит".

Предложения

You are too late with your suggestions

You can add suggestions of your own иллюстрируют вышеназванный принцип.

Чтение любого текста в процессе изучения языка предполагает параллельное извлечение литературной и лингвистической информации.

Лингвистически не тренированный глаз не угадает одну и ту же модель в двух совершенно разных предложениях:

Ему пять лет

Он опоздал на пять минут - He is five years (minutes)
old (late).

Осмывавшему лингвистический строй фразы He is live years old покажется «родным», казалось бы, не Поддающееся переводу предложение Beauty is only skin tk'cp (русское мальчик с пальчик нам представляется его аналогом skin - deep beauty - a finger - short boy).

Использование вопросительных слов what и how при переводе предложений

Как она назвала своего сына?

Чем они отличаются?

может озадачить. Объяснение - простое: эти слова «работают» на соответствующие части речи:

what — на существительное, скажем, Ted

how - на наречие, скажем, in looks.

Аналогично объясняется перевод предложения Как ты провел время (доехал)? общим вопросом: в утвердительном предложении отсутствует член предложения, соответствующий слову как.

Глагольная форма люблю читать имеет два перевода в следующих предложениях:

Я люблю читать (лежа) - а) I like reading

б) I like to read in bed.

Использование здесь герундия иногда объясняется тем, что он выражает занятие как таковое. А как объяснить использование инфинитива? Разве чтение лёжа перестаёт быть занятием? Нам кажется, что здесь действует принцип, условно говоря, общее-частное. Проиллюстрируем действие этого принципа на ряде примеров:

He travels a lot - He does much travelling alone.

He has read a lot - He has done much reading during
the past year.

TV tires me - That program makes me tired.

Milk sours when kept too long - The milk went sour.

He never tells lies - Nobody expected him to lie.

He sees much of her - He often sees her at the office.

Относительно последнего примера любопытно следующее: предложение He often sees her, являющееся дословным переводом предложения Он часто видит её, без обстоятельства места не несёт никакой информации. Модель He sees much of her специфически английская, очень работающая, отнюдь не излишняя для изучающего этот язык.

За глаголом поговорю могут «стоять» четыре разные ситуации:

I will speak to Ann (будущее с оттенком обещания)

I am going to speak to Ann on Sunday (запланированное будущее)

I shall speak to Ann if she comes (будущее при определенных обстоятельствах)

I speak to Ann and then leave (очень близкое будущее)

Иногда незнание норм языка оправдывается якобы допустимой свободной обращением со словом. Нет такой свободы. Есть свобода использования многообразных норм языка, его стилистических ресурсов.

Проф. Д.ф.н. Низами Мамедов БСУ, кафедра Турколог.

Основные принципы перевода учебно-педагогической литературы

За последние годы, как во всей жизни Азербайджана, так и в образовательном пространстве происходят значительные изменения. Наряду с другими областями, эти изменения касаются и переводов учебно-педагогической литературы на азербайджанский язык.

Обычно при переводе учебно-педагогической литературы пользуются терминами, существующими в широко вводящем языке, а если их пока нет, то оставляют широко известных терминов оригинала на языке перевода. Запас специальных учебно-педагогических знаний не может, заменен умелым пользованием справочниками, энциклопедиями. Главным условием при переводе должно стать знание предмета.

Понимание чужого текста, понимание его смысла в основном, аналитическая работа, проводимая научными методами. Переводчик углубляется в содержание текста, привлекая вспомогательные средства, анализирует его, прорабатывая страницу за страницей, устанавливает суть каждого понятия, словосочетания и фразы.

Переводчик должен уметь и вширь, и вглубь проанализировать подлежащий к переложению текст, понять все его тонкости, переводимый язык и его особенности, создавать новый учебно-педагогический текст, используя все богатства родного языка, умело, выбирая самое нужное, самое верное, воспринять его, лишь после этого перевести. Мы все это проиллюстрируем на материале перевода учебника

«Педагогика»¹.

В настоящее время в громадных размерах осуществляются переводы на азербайджанский с турецкого, английского, русского, немецкого, французского, греческого, болгарского, сербского языков. За последние годы в Бакинском Славянском Университета в этой области накоплен определенный опыт. Несмотря на то, что много переводится книг различного жанра, содержания и из разных научных областей, опыт работ последних лет все еще не систематизирован и не выработаны принципиальные вопросы, не предложены практические рекомендации. Исходя из этого, мы приходим к следующим соображениям:

1. При переводе учебно-педагогической литературы нужно исходить не только из расшифровки содержания конкретного узкого отрезка текста на основе его формы, но из основного общего содержания более широкого контекста.
2. Правильное понимание иноязычного термина означает и возможность правильного

¹ Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика. М.: Академия, 2002. - 576 с.

выбора слова для его перевода.

3. Одной из важных практических задач перевода терминов учебно-педагогической литературы является правильный выбор варианта в тех случаях, когда для иноязычного термина или слова существуют соответствия (слова родного языка типа «педагогический процесс», «педагог» и т.д.) и не имеющиеся в составе родного языка (типа «взаимодействие», «развивающий» и т.д.).

4. Для перевода учебно-педагогической литературы на помощь приходят не только знания педагогических терминов, материалов, сути педагогических явлений, но и глубокое знание лингвистических философских, морально-этических, психологических проблем, знания в области биологии, физиологии, социологии и т.д.

5. При необходимости можно пользоваться перестройками частей текста.

6. При переводе необходимо не только не перегруппировать элементы предложения, а расширять внутри его отдельные словосочетания, дать дополнительные сведения.

7. Немаловажную трудность представляют при переводе емкие, несущие на себе важные научные термины и понятия («материалистическая теория познания и процесс обучения», «движущие силы процесса обучения», «чувственное познание», «восприятие», «метод сократической беседы», «самостоятельное добывание знаний», «ведущая роль сензитивных периодов развития», «амплификация (расширение) детского развития», «когнитивный опыт личности», «полисубъективный подход», «принцип эстетизации детской жизни» и т.д.). Такие понятия требуют четкого и правильного перевода, иногда даже и некоторое объяснение.

8. Термины непосредственно бывают связаны с конкретной тематикой, иногда с языком и меняются в зависимости от области знания, к которой относится текст. Слова, выражающие синтаксические связи между ними, чрезвычайно характерны как для всякого научного, так и учебно-педагогического текста.

9. Во всех случаях и при переводе текста любой трудности и любого направления центральной проблемой перевода является отыскание и нахождение переводческих эквивалентов, полностью раскрывающих суть и содержание оригинала.

10. Необходимо отстраняться от дословного перевода. Дословность зачастую переходит в формализм и приводит к потере основного содержания оригинала.

11. И, наконец, у переводчика учебно-педагогической литературы должен быть творческий язык, т.е. умение воспроизвести текст, разгрузиться от всех тех элементов, которые ему мешают - от лексических, специфических грамматических проблем, уметь творчески работать над текстом.

А теперь постараемся раскрыть эти основные принципы на основе соответствующих примеров из конкретных отрывков оригинала и перевода.

Так, например, в разделе «Теория обучения» в параграфе «Методологические основы обучения», авторы ставят принципиальные положения, определяющие общую организацию, выбор форм и методов обучения и т.д., представляют некоторые зарубежные концепции (бихевиористские теории -прагматические, экзистенциалистские и неотмистские, материалистические теории познания и процесс обучения, движущие силы процесса обучения и т.д.). Авторы по всей книге стремятся к разработке философско-социальных вопросов педагогики, где широчайшему анализу подвергают точки зрения Б.Ф. Скиннера, А. Бандуры, Т. Брамельда, А. Маслоу, Э. Келли, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.Сартра, Ж.Маритона, У.Кинингхэма, М.Казотти и др.⁸.

В учебнике обилие определений, касающихся понятий «педагогический процесс», «педагогическая ситуация», «педагогическая задача», «целостный педагогический

процесс» и т.д. Так, например, на странице 138 читаем: «Педагогический процесс - это специально организованное взаимодействие педагогов и воспитанников, направленное на решение развивающих и образовательных задач».

При переводе учебно-педагогической литературы нужно исходить из расшифровки содержания конкретного узкого отрезка текста на основе его

⁸ Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика. С. 147-215.

формы, но, в первую очередь, из основного общего содержания более широкого контекста. Именно перевод, вышеназванного определения понятия «педагогический процесс» вытекает из всего содержания этой книги.

Правильное понимание иноязычного термина выражения означает и возможность правильного выбора слова для его перевода.

Независимо от того, с какого языка делаете: перевод, принципы учебного стиля в переводятся языке являются основополагающими при выборе вариантов для передачи отдельных слов.

При переводе этого учебника с трудностями мы столкнулись особенно в следующих главах «Развитие социализация и воспитание личности» (с.112-143) «Обучение в целостном педагогическом процессе: (с. 147-251), «Педагогические технологии» (с.406-482) «Инновационные процессы в образовании» (с.543-561 и др. Для перевода этих частей и глав книги на помощь пришли не только знания педагогических явлений, но и знание философских, морально-этических и психологических проблем, знания в области биологии социологии, современных философских учений. Обратимся к примерам: «Представители! социологического направления считают, что, хот: человек рождается как существо биологическое, однако в процессе своей жизни он постепенно социализируете! благодаря влиянию на него тех социальных групп, и которыми он общается. Чем ниже по развитию личность, тем ярче и резче проявляются у нее биологические черты, прежде всего инстинкты обладания, разрушения, половые и т. пр. (см. стр. 112).

Если сравнивать отрывки оригинала и перевода, то можно увидеть, что при переводе с русского языка мы перестроили эту часть текста. Это во многом предопределяется необходимостью полного изменения порядка слов при наличии «рамочной конструкции» в подлиннике. Как видно отказ от «рамочного» порядка слов понимается сам собой. Если первая фраза осталась фактически с точки зрения конструкции неизменной (сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным передано с придаточным подлежащим, за главным предложением в оригинале и переводе следует придаточное), то во второй фразе мы использовали полную перестановку порядка частей предложения в соответствии со стилистической нормой азербайджанской учебно-педагогической литературы.

Для перевода учебно-педагогической литературы характерны и другие приемы, в частности, необходимость не перегруппировывать элементы предложения, а расширять внутри его отдельные словосочетания, дать дополнительные сведения.

Так, например, в книге читаем: «Бихевиоризм и прагматизм - наиболее распространенные концепции обучения, в которых предпринимают попытку объяснения механизмов научения. Большинство же теорий, которые начисто отвергают как физиологические, так и психологические основы учебного процесса, сводит обучение к процессам, происходящим в душе ученика. Процесс получения знаний, умений и навыков никак не объясняется или же, если объясняется,

то через такие понятия как «интуиция», «озарение», «усмотрение», «ум» и т.д. К этим направлениям примыкают уже известные нам экзистенциалисты (М.Хайдеггер, К.Ясперс, Ж.Сартр, Н.А.Бердяев и др.) и неотомисты (Ж.Маритон, У.Кинингхэм, М.Адлер, М.Казотти и др.). Они принижают роль обучения, подчиняют интеллектуальное развитие воспитанию чувств. Объяснения подобной позиции исходит из утверждения, что познать можно лишь отдельные факты, но без их осознания, взаимосвязи закономерностей» (с. 152).

Немаловажную трудность представляют при переводе емкие, несущие а себе важные научные термины и понятия (применительно к переводу данного текста), в числе которых «материалистическая теория познания и процесс обучения», «движущие силы процесса обучения», «чувственное познание», «восприятие», «абстрактное мышление», «метод сократической беседы», «догматическое обучение», «самостоятельное добывание знаний», «закон перехода количественных накоплений в качественные изменения», «интегративные личностные характеристики», «категории части и целого», «категории общего, особенного и единичного», «категория меры», «категории сущности и явления», «категория необходимости» в процессе обучения, «характеристики основных концепций развивающего обучения», «принцип синтеза интеллекта, аффекта и действия», «принцип приоритетного старта», «ведущая роль сензитивных периодов развития», «принцип ведущей деятельности» законов и смены», «амплификация (расширение) детского развития», «интериоризация и экстериоризация», «когнитивный опыт личности», «закономерности и мета-принципы воспитания», «полисубъектный подход», «принцип эстетизации детской жизни» и мн. др.

Ruth Debel
Tel-Aviv University
Israel

In every day use sub titles are a tool for enjoying hence,therefore translation for subtitles could he regarded as just a service to the community of viewers. Having myself translated subtitles for television for 17 years I would like to present it as more than just a service, rather as a stimulating modern genre of translation. It differs from all other genres of translation.

Technical Requirements

a/ It has been found that 3 seconds is the minimum time required for a subtitle to stay on so that adults can read it while watching.

Children's programmes (and programmes oriented to specific "weak" populations such as newcomers who do not yet know the language well) get 5 to 6 seconds per subtitle, b/ the screen is only as wide as it is and the text has to fit in at the bottom, in maximum 2 lines, so that the picture is not covered too much.

Mostly the subtitle will be of 2 lines, but sometimes circumstances demand that it be of one single line, (e.g., in Israel Arabic is an official language and sometimes one line is reserved for Hebrew and the other for Arabic). In both cases the translation has to be adapted to fit into the

given space.

The above defines the main characteristic of translation for subtitles, namely CONCISION.

Therefore some scholars claim that working for subtitles is not translation proper but rather adaptation. Simultaneity

Since the "consumer" of our translation gets it at the same time as he gets the picture on the screen it is in fact simultaneous but...

The picture is the element that differentiates this translation from what we usually refer to as "simultaneous". The picture is an added element to the understanding of what is going on, by body language, scenery, level/tone of voice or in facial expression. In many cases this fact compensates for what is missing in the subtitle because of the need to be concise. On the other hand, mistakes stand out in public if you're not careful, (the name of the translator usually appears at the end...)

Translation from medium to medium

We are actually translating spoken language into written language and therefore a unique problem ensues: the eye does not always tolerate what the ear does.

The translator has to be sensitive to religious taboos, to politics in the country using the subtitles and often uses self-censorship where curses are concerned.

No Footnotes

There is so little space it is impossible to include lengthy explanations in the subtitle. You'll be lucky if there is space enough for a short one.

The question each translator will have to answer for him/herself will be: do I trust the spectator's intelligence or do I feel that he needs my help? The answer might vary.

Word/Terminology Creation

Hebrew, the language of the Bible, has been dormant for many centuries because of the expulsion of the Jews from their land. It has never stopped being used for prayer, but was hardly spoken in everyday life.

At the beginning of the 20th century it has been "revived", from what some call a "dead language" and made into the language we use in Israel today. It is a very vivid language, multi-layered, colorful, including slang and changing rapidly. But we still have an Academy for Language, to determine certain regulations and create new words to keep up with modern life. It has often been found that words newly forged by the Academy are integrated by society thanks to their incorporation in subtitles.

For example, the word **simulation** was at first adapted to **simulazia** and the official word was accepted by the public only after it appeared in a subtitle: **hadmaya**. In such a case, the word is introduced with an explanation in brackets, to be dropped at

a later stage, e.g. **hadmaya (simulazia)**

Diversity of Material

A translator of literature, for example, will be able to choose between science-fiction or a historical novel, or poetry, according to his or her inclination. Subtitles are usually translated through commercial companies who have a pool of translators. These translators have to be very reputable before they can afford the luxury of choosing their work. They will mostly be expected to translate a variety of texts:

Breaking News (on the spot, with the anchor breathing down one's neck), Classics (including poetry), documentaries, comedies, feature films, sitcoms etc..

No translator can do all these equally well and sometimes unfortunate mistakes are seen on the screen

Which brings us to the subject of:

Working Conditions

When you find aggravating mistakes you rightly blame the translator, but then it must be said that he/she is mostly not paid well enough to really do a good job.

Translation for subtitles is indeed a commercial venture. The state requires that it be given to the viewers but only very few people responsible for implementing this requirement really care.

So translators are not well paid (at least in Israel) and only few translations are edited or indeed even looked at before screening.

At the university we try to improve the situation. This "job" of translating (or adapting, whichever you prefer) for subtitles is very popular, as is anything that has to do with the media, and students like to do it even though it is not well paid.

There is an association of translators for subtitles, fighting for the rights of its members, but it still has a long way to go.

Creativity

In conclusion I would say that the most rewarding way to look at this modern branch of translation is via the creative process it requires.

The more languages the translator knows the more work opportunities he/she will have, and "rare" languages sometimes pay better.

The more educated the translator is the more fields he/she will be able to cover well.

The more linguistic skills he/she might possess the better

equipped he/she will be to juggle with the limitations of time and space. The more you know the more you will enjoy the work and welcome the challenge it presents, (somewhat like a high-level crossword-puzzle) and the better service you will render to the viewers.

К. ф. и. Доц. Севда Вагабова А УЯ, Кафедра перевод фран. языка

Дело и задачи перевода на современном этапе

Поскольку тематика нынешней научно-теоретической конференции определена как «Перевод и транснациональные процессы», нам представляется, что организация переводческой деятельности, рассматриваемой в соответствии с транснациональными процессами, должна стать прерогативой государственных органов, регулирующих её динамическое развитие. На наш взгляд, переводческое дело следовало бы отнести к разряду дел национальной важности.

Особая значимость переводческого дела ощутима в контексте расширения и углубления общественно-культурных связей Азербайджана со странами - членами мирового сообщества. С учётом того, что, помимо родного языка, нам дано ещё и владение иностранным, в частности французским, можно смело утверждать, что здесь поле деятельности безгранично. Тем более правомерно требование разграничения и распределения задач переводческой деятельности, определения «очередности» подлежащих переводу материалов.

Будучи на протяжении многих десятилетий вынужденно приобщены к русской культуре, азербайджанский читатель имел вместе с тем возможность познакомиться с образцами мировой культуры, переведенными на русский язык. Посредством русского языка был также осуществлён перевод многочисленных произведений классиков мировой литературы на азербайджанский язык. Хотя это и перевёрнутая страница в истории перевода, следует тем не менее признать, что в данном смысле роль русского языка как языка - посредника, бесспорно, велика.

Сегодня, когда язык-посредник практически изжил себя, особо важное значение для осуществления переводческой деятельности имеет политика государства, направленная на формирование национальных кадров переводчиков, которая уже начала и в дальнейшем будет давать положительные результаты. В этом деле следует отдать должное нашему Азербайджанскому Университету Языков во главе с многоуважаемым профессором

С.И.Сеидовым, где существует практика представления выпускных работ в виде перевода тех или иных оригинальных текстов. Однако эту позитивную практику надо бы расширить и наилучшие работы рекомендовать к изданию пусть небольшим для начала тиражом.

Переводческая деятельность, безусловно, имеет двустороннюю направленность. Однако думается, что на современном этапе, когда исконно азербайджанские земли оккупированы армянскими захватчиками, перевес должен быть сделан в сторону перевода национальных материалов на иностранный язык, дабы иметь возможность донести правду до запредельного читателя, в этом смысле перевод материалов на злободневные темы должен опережать или по меньшей мере идти в ногу с переводом литературных текстов.

В этом смысле показательна деятельность посла доброй воли ЮНЕСКО Мехрибан Ханум Алиевой, которая представила на съезде послов доброй воли во Франции труд на французском языке, посвященный азербайджанским мугамам, исполнителям мугамов и одной из ведущих женщин-композиторов нашего времени и единственному представителю восточного мира, достигшему выдающихся успехов на Западе в области современной классической музыки Франгиз Ализаде.

Представляется, что сказанное даёт право говорить в какой-то мере о политике перевода, понимаемой как совокупность средств и методов унифицированного государственного регулирования, направленного на его всестороннее развитие.

*Дис. акад.н., Ст/пр. Валентина Иващенко
НАЛ*

Перевод научно-технической литературы Методические приемы, повышающие эффективность обучения переводу английской научно-технической литературы

Среди проблем, ставших остро жгучими в современную эпоху, немало таких, которые давно волнуют человечество. В числе таких проблем - проблема перевода.

Неимоверные сложности общения на многоязычной планете, особенно возросшие сейчас, в условиях демографического «взрыва» и непрерывного «сокращения» земных расстояний, сделали неизбежной ситуацию, при которой общающиеся в подавляющем большинстве случаев вынуждены прибегать к услугам переводчика как посредника в экономических, политических, научных, культурных и прочих контактах.

Проблематика перевода стала узловой как для наук, традиционно занимающихся ею, так и для других -смежных и несмежных - наук. Сердцевина ее - проблема сущности перевода.

Потребности в научно-техническом переводе возрастают неуклонно, пропорционально росту научно-технических, коммерческих, культурных и других связей, стремление народов и правительств всемерно развивать сотрудничество и кооперацию усилий в развитии цивилизации. Эффективным способом преодоления языковых барьеров является перевод. Специалисты во всем мире в большинстве случаев скептически относятся к идее единого всемирного языка науки и техники, поэтому проблемам перевода, особенно научно-технического, уделяется всё больше внимания.

Чтобы овладеть переводом по узкой специальности достаточно знать закономерности, присущие языку и стилю научно-технической литературы и иметь ограниченный набор терминов. При этом условии возможно быстро приобрести хорошие навыки перевода, независимо от степени владения другими аспектами языка. Эту цель преследуют соответствующие пособия, создаваемые в ряде учебных заведений. Тем не менее ещё широко используются учебники, не имеющие прямого отношения к чтению и переводу научно-технической литературы. В таком случае надо исходить из следующих соображений.

Поскольку языку и стилю научно-технической литературы присущ формально-

логический стиль, необходимо, начиная с первых уроков, обучать ему студентов, прививать им строго логический, почти математический, строгий анализ языковых закономерностей, делать упор на те явления, которые специфичны для научно-технических текстов и являются причиной стандартных ошибок при переводе.

При введении и закреплении лексического материала необходимо приучать студентов видеть различные значения слов и словосочетаний, характерные для языка научно-технической литературы.

При отработке грамматического материала надо приучать студентов анализировать разные значения омонимичных форм, являющихся одним из важнейших источников грамматических ошибок при чтении и переводе и, в особенности, такие характерные для языка английской научно-технической литературы

грамматические формы, как инфинитивные обороты, причастные и герундиальные обороты, инфинитив с модальными глаголами и условные предложения, указывающие на малую реальность или не- реальность условия.

Для того чтобы после прохождения материала иметь возможность приступить непосредственно к чтению и переводу оригинальных научно-технических текстов, необходимо рассматривать фонетический, лексический и грамматический материал учебника не как самоцель, а как базу для изучения, освоения и систематизации языковых явлений, характерных для языка научно-технической литературы и присущего ему формально логического стиля. С самых первых уроков студенты должны проводить строго логический анализ языковых фактов в области фонетики, лексики и грамматики, знать не только, как слова произносятся и переводятся, но и, по возможности, почему.

В учебниках грамматика вводится отдельными темами, каждая из которых усваивается по отдельности, но не дает ключа к анализу грамматических форм в научно-техническом тексте. Это заставляет переводить тексты по интуиции и прибегать к догадке, что недопустимо, поскольку интуиция и догадка часто приводят к неточному, а нередко и к противоположному по значению переводу. При переводе текстов по специальности большинство ошибок обусловлено неправильным восприятием омонимичных грамматических форм. Поэтому при прохождении материала учебника необходимо проводить систематический анализ грамматических форм в различных контекстах, обращая особое внимание на многозначные формы. Например, первые функции исключительно важного многозначного глагола «to be» (быть) - в составе именного сказуемого и как смысловой глагол «находиться».

При изучении лексики надо концентрировать усилия на тех словах, которые вследствие своей многозначности, неправильной аналогии с другими словами, словами одного с ними корня («nut» - орех, гайка) или ошибочного графического восприятия («brake», «break»), часто переводятся неправильно и приводят к искажению мысли оригинала. Кроме того, надо обратить особое внимание на функциональные слова и словосочетания, обеспечивающие логическую связь и уточняющие мысль - в пределах одного предложения типа: «in some cases», «sometimes», «due to», «before», «after», «in

connection with», «to be against» и вводные слова, обеспечивающие логические связи между отдельными предложениями и целыми абзацами, типа: «thus», «however», «nevertheless», «from one hand», «on the other hand», «vice versa», Активное владение этими словами уже на первом этапе изучения языка дает в руки студента оружие большой логической силы.

Каждый новый текст учебника рекомендуется анализировать, как если бы делался анализ трудного текста по специальности, причем надо рассматривать все языковые явления,

встречающиеся в данном тексте, даже если смысл текста или предложения сам по себе совершенно ясен. Подавляющее большинство студентов, как правило, уже изучали иностранный язык в школе, и поэтому перевод многих, и особенно первых текстов учебников, не вызывает никаких особых трудностей. В то же время они не умеют анализировать языковые явления, не приучены к логически-формальному вскрытию развития мысли оригинала. В связи с этим уже с первых уроков не столь важно заниматься механическим переводом нетрудных предложений, как необходимо приучаться видеть на простом материале те потенциальные трудности чтения и перевода научно-технической литературы, с которыми неизбежно придется столкнуться после прохождения материала учебника.

Поскольку упражнения, приводимые после каждого урока, в основном направлены на одну лексическую или грамматическую тему и после выявления «ключа» выполняются механически, по аналогии, основное внимание при прохождении материала учебника надо сосредоточить на тексте урока, в котором всегда присутствует много контекстуальных трудностей. Для этого каждый текст, начиная с первого, надо переводить, делая фонетический, лексический и грамматический разбор каждого предложения. Если систематически анализировать все предложения учебника, то можно быть уверенным в том, что такая работа обеспечит появление навыка сознательного подхода к языковому материалу, создаст навыки фонетико – лексико – грамматического анализа и подготовит почву для распознавания потенциальных трудностей чтения и перевода научно-технической литературы.

После прохождения материала учебника и перехода к чтению и переводу оригинальных научно-технических текстов рекомендуется обращать основное внимание не на расшифровку значений узких терминов, а на освоение общих закономерностей языка и стиля научно-технической литературы, произношения, словарного состава и грамматического строя. Тексты надо переводить не механически и интуитивно, а с выявлением всех особенностей, присущих специальной литературе. Следует помнить, что «вольный перевод» основан либо на глубоком знании, либо на глубоком незнании. Приблизительное улавливание общего смысла прочитанного, интуитивная догадка не должны иметь место. Только сознательный лексико-грамматический анализ гарантирует правильный перевод смысла текста и мысли автора.

Одним из эффективных средств научиться переводить литературу по специальности является перевод литературы по смежной или незнакомой области, где поневоле приходится прибегать к лексическому и грамматическому анализу. В связи с этим целесообразно использовать отрывки из научно-технической литературы, не полностью совпадающие со специальностью. Основная задача студента, изучающего перевод научно-технической литературы, это уметь различать трудности перевода в любом контексте, используя грамматические формулы и зная те слова, выражения, сочетания и обороты, которые, как правило, приводят к неправильному переводу, независимо от тематической направленности текста.

Литература.

1. Б- Г. Таирбеков. «О современном состоянии теории перевода.» (К постановке вопроса). Журнал. «Литературный Азербайджан», 1972, №8 и №9.

2. М. А. Махмудов. «Система автоматической переработки тюркского текста на лексико-морфологическом уровне», Баку «ЭЛМ», 1991.

3. А- В. Федоров. «Основы общей теории перевода», М., 1968.

4. А- Л. Пумпянский. «Чтение и перевод английской научной и технической литературы», Минск, 1997.

5. И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. «Основы общего и машинного перевода», М., 1964.

Бондарев А.П.
Московский государственный лингвистический
университет Передача Функционально-Прагматических
Значений 1.1. Критерий адекватности.

На сегодняшний день общепризнанным достоянием общей и частной теории перевода выступает триединство семантической, синтагматической и прагматической значений знака Критерий адекватности предполагает воссоздание средствами ПЯ (переводящего языка - target language) 1) актуальных сигнификативных семантических значений высказывания (utterance); 2) актуальных синтаксических значений (актуальное членение - communicative articulation) и 3) внутри лингвистических прагматических значений¹.

Как выгодно отличается эта строгая триада от более чем приблизительных формулировок еще относительно недавних работ по теории перевода: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»².

Интуитивно постигавшееся до поры понятие «оттенок» уступило место контекстуальному взаимодействию «семантических составляющих» (composantes sémantiques), смысловых синтагматических отношений и вербализованных прагматических (ценностных) установок отправителя.

Реальность функционально-семантических, функционально-синтаксических и функционально-прагматических значений как *дополнительных* по отношению к внутрилингвистическим и внутрисемиотическим превратилась в последнее время в важный объект рефлексии общей и частной теории перевода. Эмансипация функциональных значений от «семантических составляющих» (лексем)³ и их морфологических носителей позволяет поднести под проблему адекватности подлинно научный критерий. Термин «семантическая составляющая», отсылая к неделимой смысловой единице высказывания, обеспечивает искомый *научный критерий эквивалентности* - оценки того, что неукоснительно должно быть сохранено в переводе.

Новейшие философско - герменевтические и структурно-антропологические исследования дополняют и осложняют представление о переводе указанием на *диалогическую природу межкультурной коммуникации*. В качестве *посредника* переводчик, обеспечивающий многосторонний процесс вербальной коммуникации, выступает и в функции получателя (адресата), и в функции отправителя (адресанта) в процессе преобразования текста с ИЯ на ПЯ. Он ценностно реагирует и на отправителя, и на получателя, и на содержание высказывания, и на аудиторию (некоего «третьего») и эта реакция не может не находить функционально-лингвистического выражения.

1.2. *Семантический аспект*. Оценка адекватности невозможна без представления о том, *что именно* должно быть воссоздано средствами ПЯ. Такое представление складывается в результате *внутриязыкового аналитического преобразования* высказывания на ИЯ.

Обратимся для примера к фразе из статьи С. Эйзенштейна «Двенадцать апостолов», описывающей знаменитый эпизод из фильма «Броненосец Потемкин»: «Толпа мчится вниз по лестнице»

¹ Jager G. Translation und Translationslinguistik. Halle, 1975. S. 87-107.

² Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. С. 151.

Толкование существительного *толпа* - «скопление людей, сборище» (словарь СИ. Ожегова), обозначает важный для переводчика ориентир: *беспорядочное* скопление *людей*, в отличие от организованных людских масс: воинского подразделения, школьного класса, очереди, мизансцены и т.п. Дифференцируется также СТДДО, пчелиный улей, муравейник и т.п. Сознательная ориентация переводчика направляет его на поиски такого эквивалента, который включал бы в себя все три семантические составляющие: 1) беспорядочное; 2) скопление; 3) людей.

В английском языке, согласно описанию Random House Webster's College Dictionary, таким эквивалентом, синтезирующим все три аналитически выявленные лексемы, выступает существительное *throng* - a multitude of people crowded together.

Попутно отмечаем, что в данном случае *словарный эквивалент* выступает в то же время и в качестве *контекстуального эквивалента*, поскольку у существительных «толпа» и «throng» одинаковый набор лексем.

Глагол	<i>мчится</i>	входит	в	обширную	группу
«глаголов	движения».	Значение	любого	глагола	движения
складывается	из	четырех	основных	лексем:	1) скорость,
2) направление,			3)	самостоятельность	

(несамостоятельность), 4) способ передвижения.

В словарной статье Ожегова - «очень быстро ехать, нестись» - лексема, указывающая на способ передвижения («при помощи ног»), отсутствует, равно как и указание на направление движения (в отличие от таких морфологических форм как сбегать, взбегать, *прибегать*, отбегать и др., в которых направление *эксплицируется* при помощи префиксов.

Американский Random House предлагает следующее толкование: *Run* - "to go quickly by moving the legs more rapidly than at a walk and in such a manner that for an instant in each step all or both feet are off the ground".

Из словарного описания явствует, что глагол *to run* имплицитно указывает способ передвижения в своей лексической структуре.

Аналитическая работа по актуализации каждой семантической составляющей позволяет, *развернув* высказывание С. Эйзенштейна, придать предложению следующий вид (частный случай декомпрессии): «Неорганизованное скопление людей быстро, при помощи ног, самостоятельно, сверху вниз (направление) спускается по «сооружению в виде ступеней для подъема и спуска» (Ожегов). Так выглядит *декомпрессия* на семантические составляющие. (Жан Катала, переводя глагол «мчаться» глаголом *degringoler* - "descendre precipitament" (Le Petit Robert), прибежал к компрессии: *La foule degringole Fescalier*).

Перевод на английский, *синтезирующий* (свертывающий) набор вербализованных семантических составляющих русского предложения, может принять такой вид: *The crowd is running downstairs*.

Профессиональный, т.е. рефлектирующий по поводу предпринимаемых им трансформаций, переводчик, выбирая эквивалентом глагол *to run*, осознает, что осуществляет *перераспределение семантических составляющих* - эксплицирует имплицитный в оригинале *способ* передвижения (при помощи ног).

1.3. Функционально-семантический аспект.

Функционально-семантические значения актуализируются в процессе переводческого *участного* осмысления акта коммуникации, включающего интенцию отправителя, рецепцию получателя, телеологию высказывания в его относительно «объективном», независимом от отправителя значении, архитектоники общекультурного контекста, обуславливающего акт коммуникации. «Участная» позиция переводчика порождает функционально-семантические значения. Так, в качестве одного из вариантов "точного перевода" возможен и такой: *The crowd is tumbling downstairs*. Где: *to tumble* - 1. to fall helplessly down esp. headfirst. 2. to fall roll end

over end, as in tailing.

Отдав предпочтение глаголу «to tumble», переводчик найдет лексическое выражение *своему собственному* видению прославленного

кинематографического эпизода и вербализует имплицитно живущее в нем *функционально-семантическое значение* панически беспомощного (кубарем) скатывания с лестницы обезумевшей толпы.

Семантическая функциональность - область переводческого восприятия. На семантическом уровне она будет проявляется в экспликации актуальной для него семантической составляющей и в импликации второстепенной.

2.1. *Синтаксическая (синтагматическая) адекватность.* На уровне синтагматических значений («актуальное членение» Яна Матезиуса) трансформация выглядит как претворение в *тему* синтагмы, выступавшей в качестве *ремы* предыдущего предложения и наоборот. Этот аспект адекватности отсылает к аналитическому выявлению соотношения глубинного и поверхностного синтаксиса - логической и синтаксической структур.

Что в знаменитой формуле Р. Декарта *Cogito ergo sum* (Я мыслю следовательно я существую) считать темой, а что ремой? Традиционно она воспринималась и переводилась как силлогизм - суждение, при котором реальность существования *выводилась* из факта мышления. *I think therefor I am. Je pense done je suis.*

Сам Декарт обосновывал его как *умозрение*, а не как *силлогизм* (умозаключение), хотя эмпирическая философия и приписывала картезианству намерение *выводить* бытие из факта сознания. Переводя картезианское *тождество* как силлогизм, представители эмпирической философии должны были бы воспользоваться союзом «поэтому» или наречным словом «следовательно» (вводящими причинно-следственные отношения): «Я мыслю, поэтому (следовательно) я существую». Материалисты Гассенди и Гоббс, сенсуалисты Локк и Гельвеции, давая волю своему эмпирическому радикализму, *инвертировали* бы это положение, поменяв местами тему и ремой, т.е. построили бы рематически - регрессивную (по отношению к картезианскому предложению) структуру: «Я существую, поэтому (следовательно) я мыслю».

Па наших глазах сугубо онтологическая проблема отношения сознания к бытию вырастает в переводческую. Гегель в этой связи замечает: «Так как Декарт знает, что требуется для умозаключения, то он прибавляет, что если бы он хотел получить в этом положении дедукцию посредством силлогизма, то он должен был бы дать большую посылку: *Illud omne, quod cogitat, cst sive existit* все, что мыслит, есть или существует]. Но это последнее положение является скорее выводом из вышеуказанного первого положения»

Чтобы отношение между сознанием и бытием представить как тождество, выведя на поверхность логическую структуру («глубинный синтаксис»), Гегелю следовало бы поставить тире, уподобляющее мышление бытию: «Я мыслю - я существую».

2.2. *Функционально - синтаксические значения* возникают в случаях взаимодействия прямого, косвенного и несобственного прямого стиля, воспроизведения «пересказанной речи», а также синтаксических сбоев, спровоцированных предвосхищением прогнозируемой реакции получателя (анакриза).

⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 190.

Вот как выглядит один из многочисленных «синтаксических сбоев» в повести Ф. Достоевского «Записки из подполья». Герой-рассказчик (отражатель), «подпольный человек», перебивает себя, поминутно прерывая связное изложение «фабулы». Издерганный неврастеник, озабоченный мнением о себе читателя, он предвосхищает возможные реплики, вступает с потенциальным недоброжелательным критиком (который живет и в нем самом) в пререкания. М. Бахтин нише! об этом так: «Он боится, как бы другой не подумал, что он б о и т с я его мнения. По этой боязнью он как раз и показывает, свою зависимость от чужого сознания, свою неспособность успокоиться на собственном самоопределении»⁵.

Сделав важное и болезненное признание относительно «кишения» в его душе «противоположных элементов», подпольный человек спохватывается: «Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу?.. Я уверен, что вам это кажется... А впрочем, уверяю вас, что мне все равно, если и кажется...».

С. J. Hogarth так перевел этот абзац: "Would not all this lead you, gentlemen, to suppose that I am expressing a sort of regret - that I am asking, as it were, your pardon? I am sure that you think so? Well, I can only say that I do not care a rap for your opinion".

Разумеется, Достоевский всегда труден для перевода. Переводческие проблемы многократно возрастают вследствие диалогической природы его романного дискурса. Однако обратим внимание, что в оригинале фраза «Я уверен, что вам это кажется...» завершается многоточием, в котором находит свое выражение отличающая подпольного человека

³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М., 1972. С. 267.

неуверенность в себе. В переводе она функционально преобразуется в агрессивный, наступательный вопрос. То же касается и завершающего абзаца многоточия. Хогарт поддался обаянию глагола «уверять» и перенес лексический акцент на синтаксический. Нерешительность у Достоевского трансформировалась в переводе Хогарта в функциональную решительность утверждения.

3.1. *Прагматический аспект* реализуется в таком ценностном соотношении контекстуальных эквивалентов, которые, в результате своего взаимодействия с референциальным значением, интенцией отправителя и рецепцией получателя обеспечивают эффект «преломления» (рефракции).

Общая теория перевода квалифицирует прагматический аспект как *намерение* отправителя создать текст в форме утверждения, вопроса, пожелания, требования, суждения и т.п., т.е. выявляет *телеологическую* (эмоционально-волевою) и *аксиологическую* (ценностную) установки отправителя. Дифференцируется ценностное *отношение* отправителя к *референту* и *адресату*. Выделяется и *цель* высказывания, облекающаяся в форму убеждения, переубеждения, внушения, т.е. модификации гносеологической модели сознания адресата. Принято думать, что если удастся убедить получателя, то достигается и прагматическая цель высказывания (utterance).

3.2. *Функциональная прагматика* осмысляет себя на фоне таких внутрилингвистических прагматических значений, которые имплицитно подразумевают цель высказывания, отношение отправителя к референту и адресату. Она включает пародию (парадигму ценностного дистанцирования от юмора и иронии до гиперболы и гротеска), регистры речи, смысловые связи *in praesentia* и *in absentia*, моновалентность, поливалентность, субъективность, объективность. Функционально прагматические значения порождаются случаями *интертекстуальности* взаимодействия фабулы (описываемого события) с сюжетом (порядком изложения и способом рассказа), интерполяции «чужих» слов в речь (интертекстуальность) и т.п. Это область «живого», по терминологии М. Бахтина, языка, в котором *узнавание* грамматических форм неотделимо от *понимания* контекстуальной ситуации общения.

«Диалогика» Бахтина выделяет *синкризу* и *анакризу*. «Под синкризой понималось сопоставление различных точек зрения на определенный предмет. [...] Под анакризой понимались способы вызывать, провоцировать слова собеседника, заставляя его высказать свое мнение, и высказать до конца...»⁶. Перевод вовлекает переводчика в эти напряженные диалогические отношения многозначности и принципиальности.

Во фрагменте «Проблема речевых жанров» (1953), написанном спустя двадцать четыре года после первого издания книги о Достоевском, Бахтин констатировал, что лингвистика по-прежнему остается в плену таких «фикций» как «слушающий» и «понимающий», которые искажают представление о сложном и многосторонне-активном процессе речевого общения: «В курсах общей лингвистики (даже и таких серьезных, как де Соссюра) часто даются наглядно-схематические изображения двух партнеров речевого общения - говорящего и слушающего (воспринимающего речь), дается схема активных процессов речи у говорящего и соответственно пассивных процессов восприятия и понимания речи у слушающего»⁷.

В работе «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке» Бахтин продуктивно для теории перевода разграничил пассивное «узнавание» грамматических форм и активное «понимание» смысла высказывания, уходящего своими

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М, 1972. С. 127.

⁷ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 246.

корнями в конкретную социо - культурную среду повседневного общения: «В основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка как системы нормативно-тождественных форм, лежит *практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках*»⁸. Нормативная (соссюровская) лингвистика с ее дихотомией *языка и речи* «всегда исходила из законченного монологического высказывания» .

«Лингвистика изучает живой язык как, как если бы он был мертвым» .

От себя добавим, что то же можно сказать и об изучении живого иностранного, т.е. чужого для обучающегося языка.

Отмеченное Бахтиным отношение к живому языку как мертвому порождает *формальный* (в отличие от «подлинного») диалог с «активной» установкой отправителя и «пассивной» получателя. Так до сих пор строятся учебники, под видом «игровых ситуаций» предлагающие обучаемым обмен грамматическими формами, формальными вопросами, рассчитанными на преднайденные ответы. Таков, например, знаменитый учебник Хорнби (Hornby): *Who's that? Thai is a waiter. // What is he doing? He is caring a tray. // And what is there on the tray? There are some bottles on the tray... etc...* Перенесенный на обезличенные отношения собеседников, это! обмен условными репликами трагикомично спародирован в пьесе Э. Ионеско «Лысая певица», явившей зрителю предельную степень отчуждения среднестатистической супружеской нары.

Чтобы возник подлинный диалог, «Я-бытие» должно разбить границы своей чуждости как теоретическому, так и онтологическому миру, реплики говорящих стать «провоцирующими»,

предвосхищающими реплики оппонента (анаक्रиза) и учитывающими внутреннюю диалектику явления (синкриза). Словом, как это явствует из логики диалогического общения, фрагментарно развернутой Бахтиным в работах разных лет, диалог основывается не на *субъектно-объектных* отношениях, при которых отправитель активен, а адресат пассивен, а на *субъектно-субъектных*, в которых участник диалога выступает по отношению к своему собеседнику как «другой», помогающий ему освободиться от «анонимной общности», от «Некто» (Man), обрести самого себя в сущностном отношении с другим, действительным «Я - Ты».

Трансфолированная на теорию перевода, концепция диалогического высказывания предполагает такое *активное понимание*, которое в процессе перевода реализуется в проекции переводчиком контекстуального прагматического эквивалента с парадигматической оси селекции на синтагматическую ось комбинации (Якобсон). Парадигматическая ось селекции выстраивается так же, как и семантическая. Выделяется оценочная архисема (инвариант), сопровождаемая дифференциальными семами (вариантами) - степенями оценки.

В терминологии Бахтина ось селекции - область *значений*, «узнаваний». Ось комбинации - область *смыслов*, понимания принципа или логики взаимодействия (соотношения) отобранных синтагм.

⁸ *Полоштите В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. С. 78. ⁹ Там же. С. 79. ¹⁰ Там же. С. 84.

Наглядным семиотическими примером такой проекции может служить развернутый эпизод из романа П. Зюскинда «Парфюмер». Жан Батист Гренуй, выполняющий функцию «переводчика», т.е. посредника, между двумя конкурирующими фирмами, сначала *аналитически* расчленяет формулу духов «Амур и Психея», составленную парфюмером Пелисье из стиракса, розового масла, гвоздики, бергамота, розмаринового экстракта et cetera, а затем *синтетически* воссоздает все эти компоненты в тех же пропорциях.

Этот блестящий эксперимент осуществляется в тесном взаимодействии семантики и синтаксиса. Прагматическое (sic) значение заявляет о себе в воздействии букета запахов на обоняние и оценивается как «возбуждающее», «пьянящее» и «чарующее». На безошибочный отбор Гренуем- «переводчиком» прагматических эквивалентов влияет степень его заинтересованного со- участия в творческом процессе.

Парадигматическая ось значений выстраивается в иерархическую структуру, своего рода градацию, восходящую либо нисходящую по отношению к «нулевому градусу письма» (Р. Барт). При восхождении оценка пародийно завышается. При нисхождении - так же пародийно занижается.

Обратимся для примера к «суждению» героя-рассказчика из повести И.В. Гоголя «Нос». Герой-рассказчик (он же - участник события и отражатель) высказывается - дает оценку - «референту», другому персонажу повести, Ивану Яковлевичу: «Но я несколько виноват, что до сих нор не сказал ничего об Иване Яковлевиче, человеке почтенном во многих отношениях.

Иван Яковлевич, как всякий порядочный *русский мастеровой*, был пьяница страшный».

П. Chirol (1909): "Mais j'ai fait une faute de ne vous avoir rien dit sur ce qu'était Ivan lakovlévith, homme éminent à de nombreux point de vue. Comme tout honnête artisan russe, Ivan lakovlévith était un ivrogne invétéré... Н. Mongault (1936): "Mais je me repens de n'avoir donné aucune détail sur Ivan lakovlévith, personnage fort honorable sous beaucoup de rapports. Ivan lakovlévith, comme tout artisan russe qui se respecte, était un ivrogne invétéré...

3. В. Schloezer (1946): "Mais je me sens quelque peu coupable de ne vous avoir encore rien dit d'Ivan lakovlévith, qui était un homme respectable sous tous les rapports.

<i>Гротеск</i>	<i>Беспримерный</i>	<i>sans precedent</i>
<i>Гипербола</i>	<i>выдающийся</i>	<i>eminent</i>
<i>Сатира</i>	<i>почтенный</i>	<i>honorable</i>
<i>Пародия</i>	<i>уважаемый</i>	<i>respectable</i>
<i>Стилизация</i>	<i>порядочный</i>	<i>honette</i>
<i>Ирония</i>	<i>парень что надо</i>	<i>brave homme</i>
<i>Юмор</i>	<i>свой парень</i>	

0 _____
Нулевой градус письма

Юмор	от рюмки не откажется	etre pompette
Ирония	заливает за воротник	prend (a, tient)
Стилизация	принимает на грудь	cuite
Пародия	выпивает	se soule
Сатира	пропойца	poivrot
Гипербола	пьяница страшный	soulard
Гротеск	не просыхает	ivrogne fieffe, Invetere Sac a vin crapule

Прагматическое значение и соответствующий ему переводческий эквивалент может выступать в *функции* юмора, иронии, стилизации, пародии, сатиры, гиперболы или гротеска.

Выбор на парадигматической оси прагматического эквивалента, обладающего внутрilingвистическим, т.е. зафиксированным словарным прагматическим значением, - лишь первый этап перевода. Результат (порожденный текст) будет осуществлен тогда, когда *функциональные* (в данном случае пространственные) *отношения между оценочным суждением и референтом* (Иван Яковлевич -почтенный человек // пьяница страшный) сохранятся такими же, какими они были в тексте на ИЯ. Если разрыв между высокой оценкой и низким содержанием окажется большим, чем в тексте оригинала, перевод будет отмечен сильным бурлескным *преломлением*. Если же он окажется меньшим, по сравнению с оригиналом, - существенно редуцируется заданный авторской интенцией пародийный эффект.

Перевод	Анри	Широля	характеризуется
отклонением	в сторону	бурлеска:	Иван Яковлевич у него
человек	выдающийся	(а не почтенный,	как у Гоголя).
Помимо	воли переводчика,	не о грефлек	тировавшего эту
функциональную		соотнесенность,	возникает

гиперболизированное значение: «выдающийся пьяница». Сопоставительный анализ наличных переводов позволяет сегодня отдать предпочтение версии Анри Монг о (1936).

Перевод функционально-прагматических значений обязывает учитывать меру интенциональности авторской телеологии. Требуется найти эквивалент такой адекватности, внутрilingвистическое значение которого сохраняло бы баланс функциональных корреляций. В процессе обеспечения внутритекстовой коннотации отбираемых эквивалентов переводчику надлежит избегать двух крайностей: Сциллы чрезмерного «усиления» и Харибды чрезмерного «ослабления» авторской интенции (бурлескной либо трагедийной). В первом случае он окажется во власти своего рода «восходящей градации»: юмор (мягкая форма дистанцирования) превратится в иронию, ирония - в пародию, пародия - в сатиру, сатира - в гиперболу, гипербола - в гротеск. Во втором случае чрезмерное ослабление будет спускаться по ступеням «нисходящей градации».

Приведем пример из собственного опыта поиска функционально-прагматического значения высказывания, оценка которого пародийно иронична по отношению к характеризваемому объекту. Речь идет о реплике Нестора Бюрма, частного детектива романа Лео Мале «Улица Вокзальная, 120», романа, который автор этих строк перевел в 1993 г. для издательства «Прогресс».

На вопрос Монбризона: "Ce gangster est-il dangereux?" («Он что, очень опасен, этот гангстер?») Бюрма остроумно отвечает: "Ce n'est pas une petite fille" («Разумеется, это не Красная Шапочка»).

Если *референциальное значение* реплики Бюрмы укладывается в набор семантических составляющих («Это не маленькая девочка»), то ее *функционально-прагматическое значение* выводит переводчика на уровень соотнесенности суждения о референте с самостоятельным значением этого референта. Чем глубже разрыв между оценкой и объектом, тем интенсивнее ирония, норовящая перейти в пародийную стилизацию. Переводчик, судя по предпочтенному им эквиваленту, оставил область референциальных значений и отправился на поиски такого функционального эквивалента, который воссоздал бы аллегорический образ абсолютно безобидной, более того - пугливой робости. Фольклорный образ Красной Шапочки (случай и не тер текстуальности), очень «французский» благодаря сказке Ш. Перро и потому вполне реальный для менталитета Бюрма, воспроизводит (а в данном случае даже несколько усиливает, по сравнению с оригиналом, что входило в намерение переводчика) степень «преломления», на функциональном уровне воссоздающую коррелятивную пару *гангстер II Красная Шапочка*. Пародийный эффект достигается благодаря выявленному и оторефлектированному

разрыву между трагедийным занижением Бюрой и бурлескным завышением Монбризоном степени опасности преступника.

Воссоздавая средствами ПЯ осуществленную отправителем на ИЯ процедуру проекции с оси селекции на ось комбинации, переводчик *восходит* к ценностной позиции отправителя, которая выступает подлинным генератором высказывания. Если такое восхождение удастся, перевод выходит за границы добросовестной подстановки контекстуальных эквивалентов и превращается в сотворчество.

Ways of expressing linguistic terms in the Azerbaijan language

It is not easy to adequately express the afore-mentioned taken from these two sources, which are extremely important for General and Theoretical Linguistics. Two cases become evident upon viewing this attentively: 1. Some words and word combinations, which acquired full rights to exist in Azerbaijani language, are widely used in our linguistics. For example, *sait* (vowel), *ahəng* (harmony), *morfoloji funksiya* (morphological function), *dil daşıyıcısı* (native speaker), *qrammatik sistem* (system of grammar), etc. 2. There exist some word and word combinations, which instantly attract attention for being to our language. For example, *affiks* (affix), *fleksiya* (flexion), *prefiks* (prefix), *deyər* (value), etc.

It can be said without exaggeration that the word "valeur" is the most conspicuous among these terms. This word which was brought to linguistics by F. de Saussure for the first time is the equivalent of the french word "valeur". This word which coincides with English "value", German "Wert", Russian, "ценность" or "значимость" is not used in Azerbaijan unequivocally as meant by F. de Saussure in most cases, though it is a very important notion in modern linguistics. It should not be equaled to the word "meaning" either. Value is the characteristic distinguishing feature of any language sign that makes it different from others within a system. In another words, every language sign, for example a phoneme, is distinguished from other phonemes not only by physical existence (substance), but by connections and relations (form) within the system also. Because of this, phoneme can both distinguish and be distinguished. Just for this reason, F. de Saussure includes into the subject of linguistics (*langue*) not the substance but the form. Generally, linguistic views of LA Baufouin de Courtenay and F. de Saussure should be taken as a system, their conceptual side as a basis in revealing terminological apparatus. It is not by coincidence that as a rule the terms used by these linguists are given in brackets in world linguistic comments. Being distinguished as the language (*langue*) and speech (*parole*) in binary opposition (binary dichotomy), they are also viewed in connection with the language activity (*langage*) of an individual. In fact, without distinguishing them neither N.S.Trubetzkoy's separating phonology from phonetics, nor N.Chomski's competence and performance can be clearly understood. All these should always be in the focus of attention in translating world linguistic heritage into our language (1).

Now, we would like to touch upon the problems related to terminology we faced while translating N.S.Trubetzkoy's work "Grundzuge der Phonologic". At first, we should note that it is not possible to find the equivalent of every term in the Azerbaijani language. For example, N.S.Trubetzkoy who brought K.Buler's triple opposition to phonology has used the expression (*Ausdruck*), appeal (*Appell*) and explication (*Darstellung*) functions of language signs in German without difficulty. As is seen, we have tried to express them with our words where possible. At the same time, we have given the words "distribution" as "paylanma", "opposition" as *qarsilasma*, "dimension" as "mey'ar", "discrete" as "bdlunmaz", "valeur" as "dayor", etc. But as there is no equivalent for tens of words like "relevant", "archiphoneme", "invariant", "variant", "neutralisation", "correlation", "diphthongoid", "privative", "equipolent", "distinctive", "delimitative", "culminative", "contrastive", etc. we have decided to keep them as in the original. As it is seen from the examples, sometimes the root of the word is kept and by adding our suffix, a new word is formed (for example, *neytral+lasma*).

Sometimes it happens so that there is no sense in translating a peculiar feature of a foreign language into Azerbaijani. For example, it is expedient to keep *knacklaut* belonging to phonetic structure of the German language,

coming at the beginning of a word or morpheme, serving to define limits of a morpheme or triphthong characteristic of English, etc, as they are and give the explanation of these linguistic terms as a reference at the bottom of a page.

The difficulty arising out of translating the linguistic literature into our language is not

connected only with the revelation of the word meaning, finding an appropriate word that would adequately express this meaning or keep the original term. One of the serious difficulties is to find appropriate syntactic structure by seeing the differences between syntactic units. When the German and Azerbaijani languages are compared, we observe the frequent use of subordinate clauses in the participle and verbal constructions in the latter. Let us explain our view by examples taken from N.S.Trubetzkoy's above mentioned work: /Da die Verbindungen "Vokal+Nasal" keiner von den drei Voraussetzungen der monophonematischen Wetung entsprechen und da ihre Bestandteile in anderen Stellungen selbständige Phoneme vertreten, so werden sie selbst als Realisationen der Phonemverbindungen "Vokal+Nasal" gewertet"/ (p. -56).

Роль идеограммы при установлении значения фразеологизмов в процессе перевода на другой язык.

Значение фразеологической единицы (ФЕ) формируется на основе взаимодействия как минимум двух лексических единиц и того первичного контекста, из которого она вышла. Как известно, значение ФЕ не складывается из суммы значений ее компонентов, однако элементарные смыслы, присутствующие в этих компонентах входят в определенных комбинациях в ее значение. *Другими* словами, значение фразеологизмов складывается не без влияния отдельных элементарных смыслов компонентов словосочетания, однако взаимодействие этих компонентов может привести не только и не просто к возникновению новой категориальной семы, но и к нейтрализации основного элементарного смысла опорного слова. Это взаимодействие компонентов приводит к возникновению совершенно новых элементарных смыслов, которых не было ни у одного из компонентов словосочетания. Поэтому, пытаясь выявить факторы, формирующие значение фразеологизма, мы вновь и вновь возвращаемся к исследованию значения слова. Доскональное знание значения слов с учетом всех возможных элементарных смыслов очень важно для определения значения ФЕ, в которую эти слова входят. Сравнивая формирование значения слова и фразеологизма, можно говорить о том, что формирование значения фразеологизма сходно с появлением метафорического, переносного значения слова. Появление метафорического переносного значения слова, как правило, не зависит от возникновения новых денотатов, оно связано со способностью человека реагировать на окружающий его мир и использовать имеющиеся у него средства выражения для передачи этих своих ощущений.

Часто лексическое значение фразеологизма складывается на основе образа, возникающего путем переосмысления свободного сочетания слов или описания жеста, реалии или обычая. Все исследователи фразеологии подчеркивают, что тропы имеют большое значение в формировании ФЕ. Нам представляется, что именно в связи с тем, что тропы по своей природе индивидуальны, и авторы их лучше других «подмечают сходство», они, тропы, всегда являются потенциальными фразеологизмами. Все стилистические фигуры способны передать отношение говорящего к действительности с помощью формы (слова или словосочетания), уже готовой, созданной членами языкового коллектива, в силу таланта или обстоятельств, увидевших то, что для других членов языкового коллектива было до того момента скрыто. Ведь в этом и появляется общеизвестное положение о том, что язык - предмет коллективного творчества его носителей. Некоторые стилистические фигуры, такие как сравнения и некоторые виды метонимии (антономасия), вообще не встречаются как отдельные слова, и те из них, которые из индивидуальных превратились в общеупотребительные, стали фразеологическими единицами.

Значение ФЕ не исчерпывается только классемой и коннотативными семами слов - компонентов ФЕ. В результате взаимодействия слов и называния, с их помощью новой ситуации, у ФЕ как языкового знака возникают новые элементарные смыслы, присущие только ей единому целому. Выявление этих элементарных смыслов целесообразно проводить, установив нейтральный эквивалент ФЕ. т. е. - идеограмму, которая может

рассматриваться как определенным образом обобщенное значение ФЕ. Идеограмма, или нейтральный эквивалент, может представлять собой слово или словосочетание, содержащее классему и основные элементарные смыслы (семы) фразеологизма. Коннотативная сема «идея», «мысль», вытекающая из торождающего контекста фразеологизма, выражается в виде свободной валентности в идеограмме.

Идеограмма является необходимым элементом толкового или двуязычного словаря любого языка, ибо образный эквивалент фразеологизма может варьироваться в зависимости от контекста. Кроме того, при переводах с одного языка на другой стилистическое использование фразеологических единиц, как правило, не совпадает. Наличие нейтрального эквивалента позволяет использовать его непосредственно, если стилистический характер текста переводящего языка не допускает употребления фразеологизмов. В тех же случаях, когда текст языка перевода допускает использование фразеологизмов, переводчик на основе идеограммы может найти такой образный эквивалент, который будет, с одной стороны, полностью передавать содержание оригинала, а с другой соответствовать по стилю тексту перевода. Установить идеограмму фразеологизма может лексикограф на основе довольно большого числа контекстов, в которых он употреблен, поскольку только наличие многих контекстов позволяет, выяснит все возможные коннотации, формирующие не только значение, но и многозначность того или иного фразеологизма.

Как видно, значение ФЕ определяется через ее нейтральный эквивалент - идеограмму. При этом, именно идеограмма отражает сигнификат фразеологической единицы. Слова, входящие в состав идеограммы не совпадают со словами — компонентами фразеологизма.

Ведь слова - компоненты фразеологизма, утратив денотативные, точнее, специфические семы, лишены собственного содержания, но сохраняют ассоциации, вызываемые у говорящего и слушающего в связи с определенной ситуацией. С этим моментом связано и то обстоятельство, что в состав фразеологизмов входят не только слова, наиболее часто встречающиеся в бытовой, разговорной речи, но слова настолько общего характера, что их денотативное содержание можно определить только в контексте.

Роль контекста особенно велика в процессе образования новых слов и фразеологизмов. Ни одного переносного значения слова, ни одного фразеологизма не могло бы существовать без контекста, ибо всякую вторичную номинацию невозможно распознать вне контекста.

Появление той или иной метафоры, сравнения или любого другого тропа имеет смысл только в контексте. И если такой троп окажется настолько метким и доступным для понимания, что станет употребляться и в других контекстах со значением, вытекающим из первичного, он, в зависимости от структуры, может дать жизнь многозначному слову или фразеологизму.

Именно благодаря контексту в языке идет непрерывный процесс слово - и фразеобразования, происходит перераспределение сем между членами контекста и появление новых сем у отдельных слов и у фразеологизмов.

Таким образом, роль контекста в учении смысла фразеологизма совершенно ясна, ибо мы способны понять новый фразеологизм не только потому, что нам известен образ, на основе которого он мог быть создан, но, прежде всего, потому что максимально актуализирующий контекст подсказывает нам ситуацию, где этот образ становится материальным и понятным любому переводчику, владеющему соответствующим языком.

Образ, на основе которого может быть построен тот или иной фразеологизм, имеет значение для лингвиста только в связи с тем, что он помогает возникновению ассоциаций, позволяющих установить нейтральный эквивалент. Образ меняется не только от языка к языку, но и внутри самого языка. Но, с другой стороны, именно образ позволяет нам устанавливать нейтральный эквивалент, т. е. фактически, выясняет значение ФЕ. Образ становится тем «промежуточным звеном», благодаря которому лингвисту удается установить значение особых языковых знаков - фразеологических единиц, которые состоят из

слов - компонентов, в сущности, ничего не значащих. Но образ необходим нам и для того, чтобы превратить идеограмму во фразеологизм. Задача лингвиста лексикографа при составлении двуязычного словаря заключается и в том, чтобы зарегистрировать как можно больше образных эквивалентов на языке перевода.

Все сказанное не исчерпывает, разумеется, вопроса об установлении значения ФН, однако позволяет утверждать, что доскональное знание значений слов -компонентов фразеологизма и классем, а также образных ассоциаций, способствует установлению нейтрального эквивалента, который является концентрированным выражением значения ФЕ. Степень образности той или иной ФЕ устанавливается в зависимости от контекста, если же речь идет о переводе ФЕ на другой язык, то образный эквивалент подбирается в соответствии со стилистической характеристикой текста языка перевода.

Лейла Адигезалова АГАФКС, Ст.преподаватель кафедры языков О некоторых проблемах перевода

Развитие человеческого общества в любой области немыслимо без общения, без широкого обмена информацией между людьми, говорящими на разных языках.

Часто помощниками в этом становятся специалисты, владеющие иностранным языком, которые становятся посредниками между этими людьми, представителями разных отраслей культуры, науки, спорта. От их квалификации зависит полноценное осуществление этих отношений.

Одной из областей постоянного общения и связей является спорт. Вступивший на путь независимости Азербайджан, уверенно шагает по пути развития в спорте, как и во всех других областях. За последние годы много было достигнуто в этой сфере. Большое количество спортивных делегаций участвуют в международных турнирах, чемпионатах. Спортивные федерации Азербайджана являются членами международных федераций, где основным официальным языком общения и ведения документации является английский язык.

В процессе общения и совместной деятельности наблюдается ряд факторов, требующих внимание переводчиков, лингвистов, лексикографов.

Словарный запас языка находится в постоянном изменении, некоторые слова забываются, их место занимают новые. Заимствованная лексика всегда была одним из главных средств обогащения языка. Заимствованные слова приносят с собой новые фонетические, морфологические и семантические свойства. Под влиянием заимствований слова, уже существующие в языке, в некотором значении изменяют свою семантическую структуру, обогащают синонимическую группу, языковой запас в разных сферах применения.

Обогащение словарного состава происходит часто благодаря способности языка фиксировать в своей системе мельчайшие изменения в смысловой структуре слова. Эта способность обусловлена самой природой языка, которая вызвала к жизни такие приемы новообразований, как сокращения слов, лексикализация словосочетаний, переходы слов из одной грамматической категории в другую в процессе функционирования слова.

В спортивной лексике русского и азербайджанского языков всегда был высокий процент английских заимствований. За последнее десятилетие употребление спортивных иноязычных слов, новообразований активизируется.

В спортивной лексике русского и азербайджанского языков всегда был высокий процент английских заимствований. За последнее десятилетие употребление спортивных иноязычных слов, новообразований активизируется.

В спортивной лексике азербайджанского и русского языков такие английские заимствования, как тайм, ринг, старт, раунд, финиш и т.п., являются неотъемлемой частью языка. Сейчас эти языки пополнились новообразованиями-англицизмами армрестлинг, пауэрлифтинг, кикбоксинг, голкипер, стипл-чейз, трансфер и т.д. Для последней категории слов очень важно правильное понимание их значения. Так, например, трансфер (английское - transfer - имеет значение перемещать, передавать) употребляется в значении перехода спортсмена из одного спортивного клуба в другой, голкипер (английское - goalkeeper - составное из двух слов goal - ворота, гол, цель и кеер - охранять, стоять в воротах) означает вратарь, кикбоксинг (английское - kickboxing - составное из двух слов kick - ударять ногой, boxing - бокс) - название вида спорта.

Многие спортивные термины, принятые в обращении, отраженные в учебниках (Английский язык В.М.Тимонова, Дегтярева), в словарях, выпущенных в советский период, в последнее время заменяются новыми. Так, например, употребляемый в футболе термин back - защитник, outside - крайний нападающий сейчас заменен терминами defender, midfielder, при переводе «двусторонняя встреча» вместо bilateral meeting чаще употребляется aial tee1t§.

Большей частью специалисты в спорте, не являющиеся специалистами в английском языке, легко объясняются со своими коллегами, используя спортивную лексику, в то время как переводчику - знатоку английского языка не хватает знаний в этой области. А специалисты общих переводах затрудняются при переводе спортивных терминов, часто не находя их перевода в словарях или неправильно применяя те, или иные слова.

Возникают большие трудности при перевод(спортивных терминов с английского языка ш азербайджанский, с русского на азербайджанский, с английского на русский и на азербайджанский.

При переводе слов-терминов, употребляемых в фехтовании, имеющих определенный эквивалент в русском языке, нет точного перевода в азербайджанском. Например, foil - рапира, ерее- шпага, saber - сабля. Все три слова на азербайджанский язык переводятся как гылынь. Слова tournament - турнир, championship - чемпионат, competition - соревнование переводятся на азербайджанский язык как йарыш.

Применяемый в спорте термин «разминка» -warming up, так и называемая среди спортсменов на азербайджанском языке «разминка», в словаре же переводится “əl qolun, bədənin açılması üçün edilən hərəkətlər”.

Употребляемый в легкой атлетике термин «бровка», на английский язык переводится как kerb. В спортивном мире на азербайджанском языке так и называется «бровка», хотя в словаре с английского на азербайджанский дается перевод слова керб как гыраг, а с русского на азербайджанский слово «бровка» переводится как «ağ kəpən».

Спортивный термин «помост», употребляемый в гимнастике и переводящийся на английский язык как «роашт» в азербайджанском языке совпадает с русским «pomost», хотя при переводе слова «подиум» с русского на азербайджанский, мы встречаемся с термином «podium».

Затрудняет работу переводчиков отсутствие англо-азербайджанских словарей спортивных терминов, толковых словарей спортивной лексики на азербайджанском языке.

Иногда для перевода того или другого спортивного термина возникает необходимость изучения энциклопедических сведений о понятиях, обозначаемых некоторыми терминами. Найти описание необходимого слова или словосочетания можно только в русском толковом словаре спортивных терминов.

Очень актуально стоит вопрос создания толкового словаря неологизмов, употребляемых в спорте на азербайджанском языке. Целью его должна стать инвентаризация, по возможности, всех слов новообразований, возникших в спортивном языке за определенный отрезок времени, особенно пост- советский период.

*ст./преп. Камиля Мустафаева
АУЯ, кафедры фонетики, грамматики
и истории немецкого языка.*

Особенности перевода некоторых неинформативных речевых актов в немецком и русском языках

Изучение иностранного языка предполагает не только освоение языковой системы, но и овладение закономерностями функционирования языковых форм в конкретных речевых ситуациях и их использование при переводе на любой язык в различных формах речевой деятельности.

В лингвистических работах ученых указывалось на то, что «именно здесь в наибольшей степени проявляются их специфические черты».¹

Усвоение различий системного характера между языками дается человеку с меньшим трудом, чем овладение этими неподдающимися амортизации способами перевода языковых структур в речевые формы.

Закономерности речевой реализации языковых единиц обусловлены глубокими внутренними и экстралингвистическими параметрами.

Языковая специфика отчетлива, видна в неинформативных речевых актах, используемых в различных целях: для установления контакта между собеседниками, для активизации партнера по беседе. Чаще всего подобные речевые акты либо свидетельствуют о намерении говорящего начать диалог, либо служат выражением отношения говорящего к уже знакомой информации.

В русском языке в контактоустанавливающей функции очень часто употребляется повелительное наклонение. Наряду с формами как послушай! посмотри!, которые служат ведению и развитию диалога, в силу семантики самих глаголов, в этой роли выступает ряд повелительных слов типа дай, постой, возьми и т.п., и в русской разговорной речи возникают такие конструкции, как возьми да отдай! давай бери! ешь давай и т.д. Сопоставление аналогичных предложений в русском языке с их эквивалентами в немецком языке подчеркивает факт, что повелительные форма типа давай возьми! указывают

¹ Ярцева В.Н. Современная типология и ее связи с контрастивной лингвистикой. // Филологические науки -1978, №5.

на ярко выраженный разговорный характер всего высказывания.

При переводе на немецкий язык эти оттенки значений передаются другими языковыми средствами. К ним относятся частицы *nur*, *doch*, *mal* и т.п. Такое соответствие средств в русском и немецком языках наблюдается не только при переводе русских конструкций, но и при переводе немецких предложений на русский язык.

Для сравнения возьмем примеры:

Возьми да приходи! - *Na, komm doch!* Ешь давай! - *Iss, nur!*

В немецком языке в контактоустанавливающей функции используются иные языковые средства. Одной из распространенных форм в этой роли выступает слово *bitte*. Пересмотрев различные варианты перевода слова *bitte*, я убедилась, что очень часто это слово означает намерение говорящего установить контакт с кем-либо, или же прервать его; например:

1.- *Bitte*, haben Sie in der Dissertationsarbeit Fehler bemerkt?

- Позвольте, вы заметили ошибки в диссертационной работе?

2.- *Bitte*, meine Tochter, *hor zu*, was ich sage.

-Подожди, дочка, послушай, что я говорю.

Можно привести много таких примеров, в которых слово ***bitte*** не переведена соответствующей ей в языковой системе эквивалентом, **пожалуйста**, это и доказывает ее иную функциональную направленность.

В той же функции в немецком языке часто используется местоимение *du*; например:

1.- *Du*, es ist sehr schön.

-Слушай, она очень красивая.

2.- "*Du*", - begann Erich wieder.

-Послушай», - снова начал Эрих.

В подобных предложениях перевод местоимения *du* через соответствующее местоимение в русском языке абсолютно исключается, так как форма *эй* в русском литературном языке не употребим.

В сходной роли в немецком языке может использоваться союз ***aber***, например:

1.- *Aber*... mein Freund, was hast du hier geschrieben?

-Послушай... мой друг, что ты здесь написал?

2.- "*Aber*"..., er machte eine grosse Pause.

-«Но позволь»..., он сделал большую паузу.

В этих случаях ***aber*** употребляется вне структуры основного предложения. В контактной функции ***aber*** предполагает несогласие, возражение.

Подводя итоги, можно сделать такой вывод, что при составлении выбранных для сравнения языковых форм обнаруживаются также закономерности употребления, которые труднее всего усваиваются при практическом овладении иностранным языком. И надо отметить, что при переводе многих языковых (речевых) конструкций очень важно избегать калькирования форм одного языка на другой язык.

•

Алла Байрамова, кандидат искусствоведения

Перевод как необходимое средство создания адекватного имиджа отечественной культуры

20-й век отмечен стремительным ростом и большими изменениями в искусстве Азербайджана. Сумев сохранить традиции, азербайджанский народ создал и много нового, чем по праву может гордиться. Азербайджанское искусствознание, также неуклонно развиваясь, изучает как мировую культуру, так и своеобразие отечественной, уже перейдя, по верному наблюдению доктора наук Э.Саламзаде, от описательной стадии к объяснительной. Пишутся научные труды, защищаются научные степени. Однако, несмотря на то, что Азербайджан имеет хороший творческий и научный потенциал, до сих пор всё ещё неудовлетворительно обстоит дело с презентацией азербайджанской культуры на иностранных языках на мировом уровне. Участвовавшие выступления азербайджанских учёных на международных форумах, появление их трудов в зарубежных изданиях пока ещё крайне недостаточны для того, чтобы искусство Азербайджана было должным образом представлено за его рубежами, а отечественное искусствознание интегрировалось бы в мировую научную мысль. Рассмотрим это на примере музыкального искусства и музыкальной науки, поскольку именно музыка является любимейшим из искусств у азербайджанского народа и воспринимается как символ национальной идентификации (хотя поднимаемая мною проблема в равной степени актуальна и для других видов искусства).

Реалии настоящего времени таковы, что для того, чтобы попасть в обиход явлений искусства, снискавших широкое международное признание, конкретному явлению недостаточно только быть высокохудожественным, талантливым. Оно должно быть ещё и должным образом представлено. Иными словами, ему должна быть обеспечена необходимая презентация и интерпретация. Ёмкое слово *publicity* очень подходит для обозначения той большей частью словесной, текстовой кампании, осуществляемой печатными изданиями, периодикой, интернет, теле/радиовещанием. Для того, чтобы иметь международную огласку и снискать международную аудиторию, пропаганда должна вестись на международных языках, в первую очередь, английском.

Просматривая материалы огромного объёма зарубежной музыкальной периодики, нельзя не обратить внимание на тот факт, что во всём этом изобилии Азербайджан, его богатая музыка, развитая музыкальная наука НИКАК не представлены - нет нас в международных составах редакционных коллегий, нет статей об азербайджанской музыке и статей азербайджанских музыковедов. В специализированных библиотеках с трудом отыщешь хоть что-то по азербайджанской музыке. Во всей огромной библиотеке консерватории Цинциннати, например, только одна книга по азербайджанской музыке. Это увидевшая свет в 2003 г. книга нашей бывшей соотечественницы, ныне гражданки США, музыковедки Инны Народицкой¹. Народицкая явилась и единственным автором материала по Азербайджану, когда либо писавшим для журнала «Asian Music». Если б не её комментарии в разделе «Обзор звукозаписей» к записям мугамов в исполнении Бахрама Мансурова, то в этом журнале, печатающем статьи по огромному числу самых разных национальных музыкальных культур Азии, то Азербайджан вообще не был бы упомянут ни словом за всю его многолетнюю историю журнала.

Главная причина такой изоляции в языковом барьере, отсутствии переводов трудов наших специалистов на иностранные языки, причём, речь идёт о специализированных музыковедческих переводах, которые, конечно под силу далеко не каждому даже хорошему переводчику. Необходимо, чтобы такие переводы обязательно редактировались носителем языка, причём не просто носителем, а ещё и

музыковедом, или же имеющим музыкальное образование. Понятно, что это требует денег, а с этим как раз туго. Поэтому, так ужасающе мало имеется информации об азербайджанской музыке зарубежом, а та, которая есть - в зарубежной интерпретации. Последняя может быть адекватной или не очень, а может в ряде важных вопросов вовсе не соответствовать действительности, давать искажённое представление об музыкальной культуре Азербайджана. Трудов же отечественных исследователей переведено на иностранные языки крайне мало, их можно сосчитать по пальцам. Мы, к сожалению, даже не всегда знаем, что пишется о нас. К примеру, известно, что к азербайджанской музыке обращался французский музыковед Жан Дюринг, но труды его всё ещё остаются не апробированными в Азербайджане - всё по той же языковой причине. Изучив написанную им статью для *New Grove Dictionary of Music and Musicians*", нельзя не заметить явных её недочётов в освещении нашего искусства. Но прежде всего, нужно отдать должное г.Ж.Дюрингу за его интерес к нашему искусству, за то, что он, как сообщается в интернете, «написал первое исследование азербайджанского мугама на европейском языке»¹ (имеется в виду его книга²) и за то, что он взял на себя нелёгкую задачу осветить в вышеназванном солидном энциклопедическом издании не только историю азербайджанской музыки, но и представить её в теоретических тонкостях. При этом он обращается к сравнительно-сопоставительному методу, проводя некоторые параллели или обозначая различия с иранской, турецкой, арабской музыкой, отмечая характерные для разных регионов черты музыкального творчества. Дюринг неоднократно посещал Азербайджан, встречался с нашими музыкантами, с которыми у него установились творческие контакты, в частности, с Бахрамом и Эльдаром Мансуровыми. Вместе с тем, невозможно закрыть глаза на многое в его статье по Азербайджану, вызывающее недоумение, досаду, категорическое несогласие.

Меньше всего нареканий вызывает раздел, посвященный музыкальным инструментам, хотя и там есть неточности. Повторяя ошибку многих музыковедов, он идентифицирует гавал с дафом, хотя это разные инструменты, о чём писали Э.Кемпфер*, С.Абдуллаева³, М.КеримовTM, свидетельством чему является изобразительное искусство, что уже отмечалось автором)гих строк^{TM1}. Хотя сам Дюринг отмечает, что «около 1870 г. Садых Джан Асадоглу придал тару его азербайджанскую форму», на фотографии приводится не самый характерный современный тар (с.270). Тем же, кому захочется увидеть настоящий современный азербайджанский тар, могут найти его в другом томе, в статье по иранской музыке. У этой основательной статьи 3 автора - Бо Лауэрген, Хормоз Фархат и Степхеи Блюм. Они написали, соответственно, 1-ый (Пре-исламская музыка), 2-ой (Классические традиции) и 3-ий (Региональные и популярные традиции) разделы статьи. Здесь помимо фото разных иранских инструментов представлено и фото табризского музыканта Али Дадсетанпура, «играющего на азербайджанском таре» (с.540). Странно, что в составе её авторов нет Жана Дюринга, прожившего в Иране 9 лет, написавшего по иранской музыке несколько трудов в разные периоды своей творческой деятельности, являющегося директором Французского Центра по исследованиям в Иране (Тегеран), и, наконец, имеющего жену-иранку. Правда, он есть в составе авторов статьи «Тар» из 25-го тома.(с.93-94), которая подписана: «Жан Дюринг (с Робертом Атаяном и Джоанной Снектор)». Хотя здесь и указывается, что тар «существует в 2х формах - иранской и азербайджанской, или кавказской», но об азербайджанском происхождении этой второй формы здесь уже ни слова.

Вернёмся к статье по Азербайджану. В год 120-летия Узеира Гаджибекова особенно интересно, как в этой статье представлена его деятельность. Поэтому обратимся к подразделу «Оперная, балетная и оркестровая музыка», который начинается с информации по У.Гаджибекову. Приведём этот подраздел полностью, без сокращений. При этом постараемся представить наиболее точный, не отредактированный его перевод со всеми имеющимися в энциклопедическом тексте ошибками, которые

могут быть опечатками, и с теми, которые опечатками не являются, со всем тем, с чем мы согласиться не можем:

«Узеир Гаджибеков (1885-1948) был первым азербайджанским композитором симфоний и опер. В его ранних сценических произведениях музыка была вверена суждению традиционных певцов, близких к та'зие -шиитской религиозной музыкальной драме. Инструкции давались исключительно в отношении мугама - в каких сценах его петь. Позже композитор сочинил свои собственные произведения, для которых темы и элементы он заимствовал из народных источников. Со временем он изучил композицию в Санкт-Петербурге и продолжил написание опер, которые только демонстрировали влияние традиционной музыки на их мелодический материал (Sheykh Sanan, 1909; Rustam i Zohrab, 1910; AsH i Kerem, 1912; Kor-ogli, 1937). Его первые произведения исполнялись ансамблем, состоящим преимущественно из народных инструментов. Позже были написаны произведения для симфонического оркестра с добавлением азербайджанских инструментов (в частности, тара и кяманчи). В 1945 Гаджибеков сочинил азербайджанский государственный гимн. Он пытался создать «национальную музыку» путём использования элементов мугама, и этот «синтез» западной и азербайджанской музыки был продолжен композиторами Муслимом Макомаевым (1895-1937), Асафом Зейналлы (1909-32), Ниязи Зульфугароглу (1912-84), Ахмет Гаджиев (род. 1917), Кара Караев (1918-82), Султан Гаджибеков (род. 1919), Джахангир Джахангиров (род. 1921), Фикрет Амиров (1922-84), Сулейман Алескеров (род. В 1924), Ариф Меликов (род. 1933), Васиф Адигезалов (род. 1935) и Акшин Ализаде (род. 1937).

Проникновение западной музыки привело к основанию музыкальных заведений: Академический Государственный театр оперы и балета им.Ахундова (1920), Симфонический оркестр им. Гаджибекова (1938), Театр им. Мамедкулизаде в Нахчиване и Театр Музыкальной комедии им. Курбанова в Баку. Музыкаведческие исследования проводятся в Институте азербайджанского искусства им. Гаджибекова при Академии наук Азербайджана в Баку. Институционализация музыки привела к использованию музыкальной нотации музыкантами-народниками. Почти все современные исполнители мугама провели по меньшей мере несколько лет в учебном заведении и имеют некоторое знание западной музыкальной нотации, даже если они никогда ею не пользуются» (с.270).

Не сомневаюсь, что многие читатели, не только профессиональные музыканты, но и любители музыки, заметили ошибки и несоответствия действительности и, наверное, в моих комментариях не нуждаются. Тем не менее, я позволю себе привести их.

Бросается в глаза гот факт, что нет даже упоминания названия оперы «Лейли и Мсджун» -краугольного камня в истории азербайджанской музыки и года её создания, зато есть упоминание о том, что Гаджибеков был - в первую очередь - «автором симфоний», тогда как в действительности симфоний он не писал. Далее, как известно, роль Гаджибекова не сводилась исключительно к указанию, «в каких сценах петь мугам», как пишет Дюринг, но и ещё какой мугам, на какой текст, а также заключалась, что очень важно, в нотной фиксации оркестровых. хоровых и танцевальных эпизодов, мелодический материал которых, заимствованный из народной музыки (песни, ритмические мугамы), подвергался авторской обработке. К примеру, были применены элементы полифонии и имитации, т.о. «Узеир Гаджибеков впервые в этой опере сочетал простейшие формы многоголосия с одноголосным складом азербайджанской музыки»^х. Также в оперу «Гаджибеков включил и свою авторскую музыку»^х. Всё это уже имело место в первенце композитора, поэтому неясно, почему Дюринг считает, что Гаджибеков «позже (выделено мною - А.Б.) сочинил свои собственные произведения, для которых темы и элементы он заимствовал из народных источников». И когда - позже? Дюрингом указано, что после обучения в Санкт-Петербурге он «продолжил написание опер» и указываются 3 оперы 1909-1912 гг.,

которые были написаны до Петербургской консерватории, где он учился в 1914 г.

Сведения о других композиторах тоже не точны. Например, Магомаев, а не Макомаев, и родился он не в 1895 г., а на 10 лет раньше. Почему-то, странным образом некоторые даты смещены на более позднее время: в другом разделе статьи, упоминая Сефиаддина Урмеви и Абдулкадыра Мараги, датирует их 14-15 вв., в то время как Урмеви родился и умер в 13 в., год создания первой оперы - 1908 - не указан, а указан год создания «Шейх Санана» - 1909. То же самое насчёт гимна 1945 г. Это был уже второй гимн, а первый был сочинён в 1918 г. Скорее всего, Дюринг о нём не знает, т.к. пользовался литературой советского периода (она указана в библиографии к статье), куда этот гимн Азербайджанской Демократической Республики, понятно, не попал. Очевидно, по этой же причине в издании 2001 г. нет дат смертей композиторов, которые умерли задолго до этого - Джахангиров за 9 лет (1992), С.Гаджибеков за 26 (1974), не говоря уже о С.Алескерове, который умер незадолго до выпуска — в 2000. Напрашивается вывод, что Дюринг не очень утруждал себя стремлением обновить (up-date) представляемую информацию. Хотя, даты смертей композиторов, умерших в 80-х гг., указаны правильно.

Нельзя согласиться и с тем, что «проникновение западной музыки привело к основанию музыкальных заведений» с 1920 г. А существовавшие до этого театры Тагиева, братьев Никитиных и др., где ставились те же Гаджибековские оперы и оперетты (о последних, кстати, вообще нет упоминания), произведения М.Магомаена, Г.Шарифова- Д.Славинского, а также русские, украинские, польские, английские и другие оперы и оперетты? Л Императорское Русское Музыкальное Общество, а Дворянское собрание с их концертной деятельностью? А музыкальные классы? Кстати о музыкальных учебных заведениях не только досоветского, но и советского и постсоветского периода также ничего не сказано - ни слова об основании консерватории в 1921 г., ни о музыкальных школах и училищах по всей стране и музыкальных факультетах других вузов. Это тем более обидно потому, что в статье по Ирану есть специальный подраздел - «Современное развитие», где помимо музыкального образования в Иране сообщается ещё о многом другом, о чём нет ни звука в статье об Азербайджане. Для сравнения считаю целесообразным привести перевод маленького фрагмента из этого подраздела статьи по Ирану:

«Возрастающая вестернизация явилась доминантной чертой в Иране периода правления Пехлеви (1925-79). Значительные усилия были предприняты для развития музыки как общественной сил. Тегеран был центром развития, но и большие провинциальные города также постепенно оказывались вовлечёнными в этот процесс. В 1930-х гг. была основана Тегеранская консерватория под ведомством Министерства Культуры и искусства, с теоретическими и практическими курсами по европейской модели, а также появилась спонсируемая государством Школа Национальной Музыки. В 1965 г. Университет Тегерана организовал созданный по американской системе музыкальный факультет с преподаванием теории, композиции, музыкальной педагогики и исполнение на различных инструментах европейской традиции. При нём имелось отделение, занимающееся систематическим изучением теоретических и практических аспектов персидской классической музыки. До революции 1979 г. станции радио и телевидения ловили все типы музыкальных программ и приглашали разных музыкантов. Песни, сочинённые на стыке персидской и западной музыки становились всё более популярными. Постоянно растущее число певцов-мужчин и женщин приковывало внимание публики, стимулируя коммерческую звукозаписывающую индустрию. Эти песни «раскручивались» профессионалами шоу-бизнеса так же, как и музыкальные номера из фильмов (см. ч.Ш, раздел 5 данной статьи). К 1970-м Иран имел ряд компетентных композиторов, дирижёров, пианистов, скрипачей и певцов, исполняющих западную музыку, большинство из которых учились за границей. Некоторые из них получили международное признание. Тегеранский Симфонический оркестр,

основанный в конце 1930-х гг. стабильно развивался» [с.536]. И так далее.

И это только маленький фрагмент одного из нескольких подразделов 2-й главы, однако, думаю, уже по этому маленькому фрагменту перевода можно составить представление, насколько подробен, детализирован, выверен представленный по музыкальной культуре Ирана материал. Сами названия многочисленных подразделов говорят о том, как полно старались авторы статьи раскрыть все её особенности, начиная с 3-го тысячелетия до н.э. Вот только некоторые из них: «Аркообразные арфы», «Лютневые», «Королевская и ритуальная музыка», «Ахеменидский период», «Сасанидский период», «Музыкальные инструменты и вокальная техника», «Музыкальное образование и исполнение», «Музыкальная терапия», «Инструменты и ансамбли». То, что статья писалась несколькими авторами также сообщило её многогранность и полноту. В то время, как статья по Азербайджану писалась одним автором, даже небольшая -на страницу- статья о кяманче из 13-го тома имеет 5 авторов. Помимо написавших статью о таре Ж.Дюринга, Р.Атаяна и Дж.Спектор, в состав её авторов вошли Шехеразаде Гассым Хассан и Р.Конзуэй Моррис. Ж.Дюринг в ней отвечал, как можно предположить, за информацию о кяманче в Азербайджане. И здесь вновь есть «ляпсус». Когда говорится, что она упоминалась в Азербайджане Низами Гянджеви, его имя написано неправильно, как "Nezai".

Коллективное авторство сказывается на качестве статей положительным образом. Во-первых, как говорится одна голова хорошо, а две - лучше, т.е. освещение каждой определённой темы может быть с большим успехом осуществлено экспертом, специализирующимся именно в этой области. Во-вторых, включаются механизмы здоровой конкуренции: каждый из авторов старается написать свою часть как можно лучше, чтоб она была не хуже, чем часть, написанная его коллегой. В третьих, авторы, просматривая готовый материал, могут помочь друг другу в его редактировании, указать на возможные ошибки. Если бы у Дюринга был соавтор или соавторы в статье по Азербайджану, так же как в статьях по тарау и кяманче, то, возможно, ему бы объяснили, что Кировабад и Гянджа это одно и то же. Они, соавторы (т.е. музыковеды, имеющие отношение к азербайджанской музыке), задали бы ему вопрос «А где же вынесенная в подзаголовок азербайджанская балетная музыка, о которой в тексте ни слова?». Соавторы не прошли бы мимо утверждения Дюринга, что «традиция музыкальной теории, завещанная Бахрамом Мансуровым (1911-1984) и его предшественниками», различает 13 основных мугамов, 8 считающихся вторичными мугамов и ещё ряд других мугамов, «которые обычно исполняются в связи с более важными мугамами» (с.260). Бахрам Мансуров, который умер, кстати, не в 1984, а в 1985 г., был действительно прекрасным исполнителем и знатоком мугамов. Недаром Фикрет Амиров обращался к его игре в работе над своими сочинениями, недаром ЮНЕСКО осуществила аудиозапись мугама в его исполнении. Однако о каких теоретических изысканиях Б.Мансурова идёт речь, когда Дюринг говорит о «традиции музыкальной теории, завещанной» им «и его предшественниками»? И о каких предшественниках? Ранее он упоминал Сефиаддина Урмеви, Абдул Кадыра Мараги и Мир Мохсун Навваба из «Сусы» (именно в такой транскрипции даётся Шуша). Но не было ни слова об Узеире Гаджибекове как об авторе важнейшего труда - «Основ азербайджанской народной музыки». Может быть, Дюринг не знает о его существовании? Напротив, в прилагаемой библиографии упоминается этот труд в английском переводе, изданном в 1985 г. Приводимое Дюрингом количество основных, вторичных и третичных мугамов также вызывает изумление. Далее, мы и не подозревали, что рянги - это «песни для танцевального аккомпанемента» (с.269), а также то, что разные музыкальные традиции бытуют в Кировабаде и в Гяндже, поскольку они - не одно и то же !!! Вот уж поистине , слегка перефразируя Энгельса,

«Переворот в науке, осуществлённый господином [Жаном] Дюрингом»! (Для справки: критикуемого Фридрихом Энгельсом Дюринга звали Евгений).

Кого же винить в таком положении дел? Нас самих, азербайджанских музыковедов. Потому что, имея большой научный потенциал, мы не пишем о нашей музыке сами для иностранных изданий, и за нас это приходится делать иностранцам. (Что касается других национальных культур, то там дело обстоит иначе. Для того же Гроувского словаря, к примеру, об узбекской музыке писали четверо авторов, из которых три - этнические узбеки, о грузинской - пятеро, из которых только один не грузин, об армянской три автора той же национальности, о казахской два представителя той же культуры, как и в случае с молдавской и литовской музыкой.) А если иностранцами допускаются ошибки, от которых, к сожалению, никто не застрахован, то мы их даже не поправляем, потому что, не знаем языков, не читаем, не интересуемся, не выписываем международных журналов, не покупаем музыковедческой иностранной литературы. Да и причиной их ошибок тоже часто являемся мы сами, не умея донести до них всей правды; не очень заботясь о такой интерпретации особенностей теории и истории азербайджанской музыки, которая была бы понятна представителям другой культуры; о правильной расстановке акцентов, не очень печалась о том, что так мало отечественной музыковедческой продукции переведено на другие языки. Это явилось причиной создавшегося у Ж. Дюринга впечатления, что азербайджанцы «никогда не были заинтересованы в том, чтобы завоевать репутацию своей музыки за границей» в то время, как согласно его же наблюдению «мало какой другой народ относится к своей музыке с такой горячностью, поклонением и радостью, как азербайджанцы, глубоко и со всей страстью чувствующие её, давшие отличных музыкантов даже из таких отдалённых мест, как горы Карабаха»¹. Конечно, изучение языков, осуществление квалифицированных переводов, покупка иностранной литературы, выписывание журналов, интернет, пересылка наших книг за границу - всё это не просто и, как всегда, упирается в деньги и время, которых катастрофически не хватает.

Вместе с тем, следует признать позитивным появление в последние годы сайтов по азербайджанской музыке на английском языке, статей в журнале «Азербайджан Интернационал», компактдисков с комментариями на иностранных языках, учащение выступлений наших музыковедов на зарубежных форумах, их участие в международных проектах. Но этого всё ещё не достаточно. Однако, если мы очень постараемся, чтобы этот процесс набирал силу, то искусство Азербайджана будет защищено от неадекватной интерпретации, от невольных или преднамеренных искажений.

III Bölme

*Gertrude Durusoy
EGE University
Izmir/TR*

The Role of Localization in Literary Translations and Conference Interpreting

Among the humanities, the translation is a discipline having so many facets that it includes quite a lot of mental aptitudes on the one hand and of knowledge on the other. All of us, we are aware, that knowing - even very good - a language different from the mother tongue doesn't mean, that it enables a person to achieve an adequate translation. Nevertheless the language is the source of every text or speech and it is the final product of the translator's performance. We are also aware of the fact, that during the past centuries there has always been on the cultural level a more or less intense interaction between countries, languages and literatures. But nowadays this interaction takes place in an accelerated way and rhythm, in which translation, the translator and the interpreter play an outstanding role because they assume the responsibility of the cross-cultural contact, they are establishing.

Already Hans Thomas Schwarz has quoted Pierre-Francois Caille in a former international meeting on Translation - held in Sofia and supported by UNESCO - about the role of translators with following words: The world around us is in a state of constant turmoil. Frontiers crumble and nations are born. The development of culture, the surabondance of information media, the speed of transport, accelerate the exchange of ideas, techniques and news. People invent, read, listen and write more and more every day. And behind every aspect of this universal process, one finds the hand of the natural agent of civilization: the Translator. "(1) These words are still true twenty-five years later, I mean hic et nunc, i.e. today at the Baku Meeting. And Schwarz himself states, "Without translation and without the services rendered by the translator, the spreading of culture, knowledge and information would be almost impossible nowadays. In our present day and age, translation has become a necessary and inevitable part of our daily life: without it, the language barriers separating people and culture could not be overcome. No state, no nation of the world can, in our time, allow itself to advance its own development without regard to the outside world and world affairs; the cooperation of peoples in all sectors of human life has become a 'conditio sine qua non' if the progress of mankind is to be promoted and mutual understanding and peaceful coexistence among all nations and peoples of this common world of ours are to be guaranteed."

(2)

This is true also for the literary or philosophical translation. Mr.M'Bow, a former President of UNESCO had formulated this dimension with the following words: "Lire un poete, un romancier ou un philosophe, ce n'est pas seulement converser avec lui, mais par son intermediaire, saisir Tame de la communaute culturelle a laquelle il s'identifie." (3)

Another aspect has to be considered within this translational context; it is the fact, that the contact of cultures and in most of the cases the intercultural exchange have always more or less been present, mainly in a bilateral form but of course also in all kind of international meetings. Therefore, we shouldn't think, that localization is an invention of our times, although it is the expression of a real need precisely in our times and this denomination seems to cover in a more appropriate way this new form of translation in a century using internet and websites.

We can observe, that Jose Ortega y Gasset is right, when he states:"Die Sprachen trennen und veruneinigen uns nicht, Weil und insofern ALS es verschiedene Sprachen sincl, sondern weil sie von verschiedenen seelischen Bildern, von ungleichen geistigen Systemen und - in letzter Instanz - von verschiedenen Philosophien ausgehen." (4) Never so much as nowadays has this difference been stressed; this is also the Main reason why in a time of growing globalization - which sometimes can be seen as a widespread uniformity - there is more and more need for localization, - even if primarily for economic and commercial purposes -

because of the specificity of each culture and of the peculiar way of life in each country. We'll come back to this topic later on.

In this context, we can agree with Vilgelm Venjamovic Levik, when he uses the following comparison: "On dit qu'une traduction n'est pas une photographique, mais un portrait de l'original." (5) What does he mean ? We see here two important dimensions of the act of translating: the first one shows that an absolute coincidence with the original cannot be performed nor reached like in the case of a photograph and the second dimension focuses the translator's creativity because -like a painter - he is anxious to produce a masterpiece.

Peter Newmark is not far from this conception, when he writes:

"All translation remains a craft requiring a trained skill, continually renewed linguistic and non-linguistic knowledge and a deal of flair and imagination, as well as intelligence and above all common sense. Semantic translation, basically the work of one translator, is an art. Communicative translation, sometimes the product of a translator's team, is a craft." (6)

Newmark focuses also the role of the translator himself in the following statement: "[...] The translator and the text-writer have different theories of meaning and different values. The translator's theory colours his interpretation of the text. He may set greater value than the text-writer on connotation and correspondingly less on denotation. He may look for symbolism where realism was intended; for several meanings where only one was intended; for different emphasis, based on his own philosophy or even his reading of the syntax" (7) In this context, it might be interesting here to quote Friedrich Schleiermacher, because his point of view has influenced so many scholars in Western Europe for a long time; on the one hand, he says : "Erscheint nicht das Uebersetzen [...] als ein thörichtes Unternehmen?"(8) (Doesn't translation seem [...] to be a quite foolish enterprise?) , but on the other hand, he knows, that this activity is possible and asks in a more explicit way : "Aber nur der eigentliche Uebersetzer, der diese beiden ganz getrennten Personen, seinen Schriftsteller und seinen Leser, wirklich einander zuführen, und dem letzten, ohne ihn jedoch aus dem Kreise seiner Muttersprache heraus zu nothigen, zu einem möglichst richtigen und vollständigen Verstandnis und Genuss des ersten verhelfen will, was für Wege kann er hiezu einschlagen? " (9)

Now his famous answer: "Meines Erachtens giebt es deren nur zwei. Entweder der Uebersetzer lasst den Schriftsteller möglichst in Ruhe, und bewegt den Leser ihm entgegen; oder er lasst den Leser möglichst in Ruhe, und bewegt den Schriftsteller ihm entgegen. Beide sind so ganzlich von einander verschieden, dass durchaus einer von beiden so streng als möglich muss verfolgt werden, aus jeder Vermischung aber ein höchst unzuverlässiges Resultat nothwendig hervorgeht, und zu besorgen ist, dass Schriftsteller und Leser sich ganzlich verfehlen." (10)

In this way of analyzing the act of translating, Schleiermacher evokes already the intercultural process, which is involved during translation. But we must add, that nowadays this act is an interdisciplinary one because interculturality is no more confined in the background and that the impact of this 19th century opinion of a famous scholar seems to have lasted quite a lot. Even if a translator can't know everything in the disciplines involved in texts, his approach to the source language/text is decisive in conveying the semantic contents into the target language and produce the target text.

Doing so, we can agree with scholars like Newmark , who try to get a clear approach to the act of translating. According to Newmark, "There are three basic translation processes:

- (a) the interpretation and analysis of the SL text;
- (b) the translation procedures, which may be direct, or on the basis of SL and TL corresponding syntactic structures, or through an underlying logical 'interlanguage' (the *tertium comparationis*) ;
- (c) the reformulation of the text in relation to the writer's intention, the reader's expectation, the appropriate norms of the TL, etc.

The processes are to a small degree paralleled by translation as a science, as a skill and an

art." (11)

Ten years ago scholars like Newmark didn't deal with issues like "localizations", but the process he described is also valuable and true for this new form related to translation and including cultural elements of the target country into the translation itself; that means that the objective is no more a 'faithful' translation but an efficient translation promoting the commercialisation of a product and that, what is stressed, is exactly the "reformulation of the text" as we'll see below.

Jean Ladmiral stated in Istanbul at the Meeting 'La traduction: Carrefour des cultures et des temps' the following aspects about the intercultural dimension, where he reminds us not to forget the literary substance of our translations: "Surtout, l'objet de la traduction, ce n'est pas l'étrangeté culturelle et linguistique d'un texte -source, mais sa singularité en tant qu'œuvre. Quoi qu'il en soit de sa spécificité culturelle, l'enjeu d'un texte littéraire n'est pas culturel mais littéraire; et l'enjeu d'un texte philosophique n'est pas culturel mais philosophique, etc. [...] En règle générale, on ne traduit pas des langues, ni des cultures, ni même des langues-cultures: on traduit des *textes* !" (12)

Marcel Schwander too provides an insight into the multiple issues we are facing while translating; he says: "Doch der Übergang ist nicht einfach eine sportliche Aufgabe, eine technische, eine linguistische Angelegenheit: mit dem Ufer wechselt nicht nur die Sprache, sondern die gesamte Umwelt." (13)

Here we are. That is the exact field, which is the real acting place of the localization, a word not yet used as Schwander wrote this article. He goes on and gives more details: "Jede Sprache ist der Ausdruck eines kollektiven Bewusstseins, verschieden nach Geschichte, Psychologie und Politik, jede bietet eine andere Weltanschauung, eine andere Weltanschauung, ein anderes Denksystem." (14)

That is exactly, what global trade tries to reach in using internationalization and localization.

So, let's ask: what is exactly localization? This activity is spreading all over the world more and more within the last decade and there are different definitions, which are in fact similar but expressed in a different way. Just like in the following example:

"Localization is the process of adapting a global product for a particular language and country. Localization includes translations and other conversion, and takes into account local practices and culture, providing a product which is comfortable to use in the target country." (15)

This is a quite general definition but contains the newest strategies: i.e. taking "into account local practice and culture» when exporting a product which has been globalized. There languages are also involved: "Globalization is the process of making a product multi-lingual. All language-related aspects of the program are separated from the code, and all aspects which vary with target country are handled in a country-independent way." (16)

At the first glance, we can see that both processes are the opposite of each other, but in an interesting way, they are dependant from each other if the enterprise wants to export its **products**, here mainly information technology like software. Миг., и **can** he observed that language and culture find their place in a high sophisticated system, where culture or languages have not been taken in consideration since it exists.

The advantages of global trade lead to new approaches requiring qualified translators and computer engineers. Another firm gives on its website the following definition of the process:

"Software localization covers a wide range of activities. At the simplest, it involves the extraction of translatable text from source application, submitting for localization and rebuilding the application in any target language. In reality, localization involves complex and technical tasks performed by a variety of specialists, including translators, engineers, graphic designers, programmers and project managers." (17)

We seem to be far from Schleiermacher, but in fact the technical process of localization is being carried out - probably without knowing it! - In absolute conformity with Schleiermacher's second principle of translating in leaving the reader (say here the user) where he is and conveying the writer (say translated software) towards him.

To get an education or training in localization, there are two possibilities: an academical one and there is really one single place/institution using English for the training, as far as I know, this is the 'Localisation Research Centre (LRC)' at the University of Limerick in Ireland, providing courses and graduate diplomas in that field on the one hand and, on the other hand, being a member of the staff in an enterprise, you can get a professional training in situ and as a translator you'll have to live in the country of the target language of the product being localized, because this enhances its quality. The LRC is not purely academical, on its website it is described as a center which "Provides comprehensive information service to the industry; conducts research and development in localisation and related areas such as language engineering; organises regular conferences and meetings; produces a range of publications including Localisation Focus; and oversees a number of education and training programs." (18)

In France, the ESIT educates interpreters and translators, as you know, but informations on localization can better be found from the homepage of the alumni of the ESIT, where quite a lot of articles give an idea about the present issues in the profession, among them very specific topics on the tools of localization, on translating software, on localization for asiatic languages, on interpreting, or on the limits of localization etc. Archives and links are available.(19) Olivier Andre wrote for example 1999:

"La localisation est done un secteur de pointe qui est appele a se developper, notamment avec l'apparition recente des applications a reconnaissance vocale qui posent de nouveaux defis techniques. Le principal probleme de la localisation a l'heure actuelle est de faire face a une penurie de personnel qualifie, qui ralentit sa croissance." (20)

Even six years later, what he wrote is still true because when a new technology is produced it is not possible to produce it localized; it is first genuine, then globalized and if there are chances for it to be paying then the next step is localization.

If we consider the different forms of translation existing before localizations - written, consecutive and simultaneous - , it appears, in my opinion, that in the case of literary translations, for example, effective "localization" must have been achieved long before the word itself was created. In the case of technical and scientific translations and now of website translations, it has been observed, that the former so-called speciality jargon is going to be adapted to the target public client and its cultural context.

Now let us consider the situation of conference interpreting. The case in which the process of localization gets more complex is the situation of conference interpreting. Interpreting is not a linguistic skill per se, it is more than that, it deals with a fluid spoken text and all the nuances of the speech create a whole which has to be transferred to the audience, so the interpreter understands the matter dealt with. The interpreter depends totally on the rhythm used in the speech by the orator, on his elocution and his task is therefore very stressing because he has to achieve within the same temporality the "interpretation" - not the translation - of the communications or papers given. The interpreter must shift into the language used by the audience, that means with all of its cultural components, elliptic or not, in order to give access to a faithful semantic content mostly without faithful words. The delivered speech or scientific paper builds usually a certain homogeneity, therefore the interpreter considers it as a spoken unit, a spoken text and there he must perform the best in the language he uses in order to facilitate the communication between speaker and audience.

Already 1983, Danica Seleskovitch had stressed the importance of the text as the unit to be translated: "La traduction dans laquelle se reconnaissent les bons professionnels opere sur des textes dont ils maitrisent le sujet et qu'ils expriment dans leur langue maternelle. [...] Cette traduction se realise en une symbiose entre le texte et son traducteur; celui-ci, pour traduire, puise spontanement non seulement dans sa competence linguistique mais encore dans l'ensemble de ses connaissances et de sa personnalite." (21)

But she explains exactly what it means:

"En effet, en dehors des exercices de grammaire, aucune parole, aucun texte n'est jamais simple mise en oeuvre d'une competence linguistique; les textes s'inscrivent dans un bagage cognitif, ils construisent un contexte cognitif alors que la phrase isolee s'inscrit dans un vide ou

seule regne la competence linguistique." (22)

Therefore: "Aucun traducteur professionnel ne pense pouvoir traduire un texte, qu'il soit litteraire, scientifique ou technique, sans connaitre tant soit peu la matiere qui y est traitee." (23)

And now comes the famous differentiation she has introduced into translational studies: "Voila pourquoi je fais une distinction entre la traduction des langues que j'appelle transcodage et la traduction des textes a laquelle je reserve l'appellation de traduction." (24)

This is of course also true for interpreting because with "transcodage" there would never happen any transfer localizing the treated topic, only "traduction" can give a quality of language which lets the listener feel comfortable within the language used.

There is another point on which she calls our attention : "En effet, dans les textes, les quelques milliers de termes qui constituent le fonds commun d'une collectivite linguistique l'emportent de loin sur les termes specialises. Le gros des textes, la masse des arguments, des faits et des idees qu'ils contiennent devront toujours etre interpretes. La bonne traduction, la traduction exacte sera toujours un melange d'interpretation et de transfer! terminologique." (25)

In my opinion, this very assertion can be considered as the justification of the now prevailing existence and growing need of localization.

1997 in Istanbul Danica Seleskovitch stressed the importance of the cognitive complements in the oral translation as follows: "Nous appelons *complements cognitifs* le savoir extralinguistique qui, dans le discours, s'associe aux aspects pertinents des langues. Les complements cognitifs du sujet percevant correspondent au non dit (mais néanmoins pense) du sujet prononçant le discours. Ce dernier étant elliptique a tous les niveaux, linguistique et cognitif, le comprendre suppose en contrepartie une complementarite semantique et cognitive chez les recepteurs, auditeurs ou interpretes. L'association de complements cognitifs et d'elements linguistiques produit des unites de sens."(26)

Here she gives a very important explanation: "Les unites de sens, atomes ideiques, naissent de la reduction des concepts linguistiques a certains de leurs traits de signification et du rattachement simultane de ces traits a des connaissances extra-linguistiques. Elles dépassent les virtualites propres a la langue. Elles correspondent a des prises de conscience successives." (27)

Former staff at and director of the Ecole Superieure d'Interpretes et de Traducteurs (ESIT) in Paris, Mrs. Seleskovitch described perfectly - in my opinion - the process happening during oral translation, that's the reason why I want to quote her again and also because she was a leading scientist in the fields of simultaneous translation and in the training of conference interpreters: "Le cheminement de la comprehension d'un discours n'est pas parallele au deroulement de la chaine sonore. L'auditeur y associe , a intervalles reguliers, des connaissances diverses; il ne se contente pas de reassocier des signifiés a des signifiants, il integre la chaine sonore dans des structures cognitives. [...] C'est la un point rarement note. On admet volontiers que le sens varie avec les variantes linguistiques de l'annonce, on semble moins conscient qu'il varie aussi en fonction des differences de complements cognitifs apportés a la rencontre de l'annonce linguistique." (28)

As we have seen, our theme is a wide one but the time given is short. I wanted to bring to this meeting in Baku not only my modest point of view, but a larger perspective in the approach of the phenomenon called "translation", that is the reason, why I decide to bring all these quotations, and to leave them in their original language, because your institution is the Baku University of Languages.

So many other disciplines are more or less involved in that particular act of the human mind and for this reason since centuries a single method of translating, or a single way of training translators couldn't be established in any country. Even today, the approaches are different but the objective is the same: to produce the best quality of literary translation as well as consecutive or simultaneous interpreting.

The very approach in localization has to be considered as an eminently positive step in the

work of translating because of its focus on the cultural contents linked with the countries where software products are supposed to be implemented, and sold, of course. Stressing this aspect, the localizing process is reminding the other branches of translation that culture is nowadays the main topic which has to emerge along with text processing methods.

At the same time, the translators or future translators are more aware, that a training including cultural courses is now relevant not only in literary translation, where it should have always been done, but also in consecutive and simultaneous interpreting programs; this item is no more a peculiar aspect for the training of specialized translators for software localization.

I see the localization as a stimulating factor for other kinds of translation, but each translator has first of all to know, that in our century it is no more possible to be universal, therefore he/she has to choose the discipline or the branch, where he/she feels to be the best. Not everybody is able to perform a perfect consecutive interpreting session and not everybody may feel qualified to translate poetry.

So, let me conclude with a pertinent remark from the famous translator Ewald Osers:

"A translator can work competently only in the field in which he possesses specialized knowledge, in which he has a strong personal or professional interest, and towards which he has a special inclination. [...] If an electronic data processing translator attempted the translation of, say, a biologic research report, or the annual report and balance sheet of a bank, the result would be just as disastrous as if a literary **translaror** attempted it." (29)

NOTES

(1) Pierre-Francois Caille quoted in: Hans Schwarz, 'The Role of the International Federation of Translators (FIT), a Non-governmental Organization of Category 'A' of the UNESCO, in Promoting Translation and Protecting the Moral and Material Interests of the Translator', in: *La traduction et la cooperation culturelle internationale*. Sofia: 1981, pp.218/219

(2) Haas Schwarz. in:op.cit. ibid., p. 219

(3) Amadou Mahtar M'Bow: 'Message', in: *La traduction et la cooperation culturelle internationale*. Sofia:1981, p.40

(4)Jose Ortega y Gasset: 'Miseria y esplendor de la traducción'. in: : H.J.Störig (ed.), *Das Problem des Übersetzens*. Darmstadt: 1973, p.315

(5) Vilgelm Venjamovic Levik: 'La traduction et la creation litteraires', in : James S.Holmes (ed.): *The Nature of Translation*, The Hague, 1970, p.165

(6) Peter Newmark, *Approaches to Translation*. Prentice Hall: 1993, p. 53

(7)Peter Newmark, ibid., p. 8

(8)Friedrich Schleiermacher: 'Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens', in: HJ.Störig (ed.), *Das Problem des Übersetzens*. Darmstadt: 1973, p. 45

(9)ibid., p.47

(10)ibid.,p.47

(11) Peter Newmark, op. cit., p. 144

(12) Jean Ladmiral, 'Aspects interculturels de la traduction', in: *Hommage ä Hasan-Ali Yücel*, Istanbul, 1997, p. 131

(13) Marcel Schwander, 'Westschweizer Literatur in deutscher Übersetzung', in: *Actes du Colloque sur la traduction litteraire*. Colloquium Helveticum 1988: 3, p.70

(14)ibid.,p.70

(15) See more on the Website: www.ficorp.com/global.html

(16) *ibid.*

(17) Follow from the Website: www.moravia-it.com

(18) For more information
see:

www.localisation.ie/aboutLRC/index.htm

Here I recommend also the Department on the German University in Saarbrücken, which gives a strong academical training with English, Russian, among other languages: <http://fr46.uni-saarland.de> ; see also the articles in German by Karl-Heinz Freigang: 'Software - Lokalisierung' in: Angelika

Lauer et all. (eds.), *Übersetzungswissenschaft im Umbruch*. 1996, Tübingen, pp.135-146, and 'Zum Stellenwert von Softwarelokalisierungsprojekten in der Übersetzer Ausbildung', in: Eberhard Fleischmann (ed.) *Translationsdidaktik. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft*. 1997, Tübingen, pp. 122-132

(19) Refer for more details to:

www.geocities.com/aaeesit/index.html

(20) www.geocities.com/aaeesit/loc2.html

(21) Danica Seleskovitch in: *Translation in Foreign Language Teaching*, Round Table FIT-UNESCO, Paris 1983, p.98

(22) *ibid.* p.98

(23) *ibid.* p.99

(24) *ibid.* p.99

(25) *ibid.* p. 103

(26) Danica Seleskovitch, 'L'incidence sur la traduction orale de la difference entre langue et discours', in: *Hommage à Hasan-Ali Yücel*, Istanbul, 1997, p.156

Toplami: 151-160

(27) *ibid.* p.156 (28) *ibid.*, p. 157

(29) Ewald Osers: 'Unity in Diversity', in: Hildegund Bühler (ed.) *Xth World Congress of FIT Translators and Their Position in Society*, Wien: 1985, p.132)

Assistant Prof. Gulnar Huseynzade, AUL, Head of the Department of Foreign Language Methodology, intercultural Communication for Learners of English

During the past years a major change has taken place in the methodology of foreign language teaching, testing and examination technique in our country. The old routine methods are being changed for entirely new and modern attitudes to language learning and teaching.

The new ideology and methodology are bringing about more flexible ways of providing language learners the proper services according to their needs.

Our University is concerned with the education of foreign language teachers, professional translators and interpreters. Our graduates will have to function successfully as individuals across cultures. Apart from knowledge of the target language, foreign language specialists need to acquire the socio-cultural competence that will enable them to become intercultural speakers (Byram, 1994).

Learning a foreign language implies some degree of cross-cultural awareness. Language does not exist without a cultural context. Cultural learning should become a vital component of any syllabus.

Cultural context and communication are closely interrelated.

Cultural awareness has started to be more and more popular in foreign language teaching. To us "cultural awareness" means sensitivity to the impact the culturally affected behaviour has on using the language in the process of communication. People's

behaviour is culturally conditioned.

Over the last decades there has been the growing realization that it is absolutely necessary to pay attention to the cultural aspects of communication in the language classroom.

There are various ways of understanding "culture" between the boundaries of disciplines such as anthropology, cultural studies, linguistics, sociology and social psychology. "Culture" is, first of all, a mental phenomenon: its basis is a variable set of normative beliefs, values and attitudes, which are shared by certain groups. This socially-shared set of beliefs and values generates certain types of behaviour - including all sorts of linguistic behaviour. Linguistic behaviour is therefore, partly an act of affiliation to, or rejection of, a cultural group.

Culture permeates every aspect of communication. Communicative competence does not consist entirely in bridging an information gap using language appropriate to the situation, it consists also in performing "acts of identity" which show that the individual is affiliating to or disaffiliating from the values of the group with which he/she is communicating. The codes governing different linguistic registers are not sufficient.

To help learners survive, they also have to be taught to deal with the norms of behaviour governing the target academic or professional communities.

If communication is to be successful at any level of significance each of us must cross the cultural divide, and the internal divide.

At one level we could readily conceive of culture as the high arts, historical development and institutions of a country; at another we might prefer to view culture as essentially the current affairs, concerns and habits of people.

"Culture" is a polysemantic word. The language skills are an important tool, but shared linguistic competence alone only partly addresses the issue: the British, the Americans and other operate "a common language" but remain, at many levels, divided culturally.

Seen from the perspectives of a native speaker and a non-native speaker in Azerbaijan, the major issues to be raised are: 1) the changing definition of competence in language learning, 2) the special position of English as a global lingua franca.

Just as linguistic competence was supplanted by communicative competence is now seen as inadequate without an awareness of the cultural dimension of interacting in a foreign language. Hence the need for cross-cultural, or intercultural competence. This integrates interpersonal skills as an important element and goes much deeper than mere knowledge and awareness of the culture. But to what extent is English, a global language rather than just a foreign language¹

Of course, it doesn't have an entirely "value-free" culture but other major world languages are far more culturally loaded.

The culture belongs to the people who speak the language. But it has become harder to draw geographical or domain boundaries around English. The world-famous author of "The Cambridge Encyclopedia of English" D. Crystal writes that today more than 7 hundred million people around the world are using English as means of communication.

By teaching culture to our students we facilitate their contacts with foreigners thus fostering in them understanding and tolerance to other cultures. Knowledge of the culture is necessary for communication, essential for interpersonal interaction. Successful communication in English is one of the aims of every foreign language student. Cultural misunderstandings might bring to breakdown in communication.

There may be a considerable difference between someone's knowledge of the language and what he or she is actually able to produce.

Issues of intercultural communication should increasingly be in the focus of teacher's attention. In addition to general knowledge to what the process and model of communication are about, language learners need to be aware of implications that stand behind messages.

For students to be confident and competent in their intercultural communication, they

should follow a number of guidelines that can also be qualified as strategies in that field.

Foreign language specialists are expected to be able to establish a relationship between their own and the other culture, to mediate and explain difference and ultimately to accept that difference (Byram).

Unfortunately, the perception of another culture in many cases is simplified and modified by our students' limited life experience and lack of personal contacts with native speakers, established stereotypes and sometimes prejudice.

Consequently, cross-cultural training should be incorporated in foreign language teaching and learning. The aims of this training are:

- to arouse and maintain interest in acquiring the fundamental concepts of the target culture, to expand cross-cultural awareness, to provide students with a better understanding of their own culture;
- to increase tolerance and acceptance of different values, attitudes and behaviors;
- to develop students' intercultural communication skills, to prepare them for effective personal encounter within the target culture without experiencing frustration and misunderstanding;

We pay much attention to comparative studies of culture in its broader meaning, i.e. everyday, informal culture, patterns of behaviour in various situations, peculiarities of verbal and non-verbal communication that the native speakers regard as necessary and appropriate.

Obviously, no one can learn everything about the target culture since we cannot claim we know our own culture, but we have to recognize and admit openly that not everyone in the world is "just like me" and accept that people are not better or worse, but they are different.

To develop communicative strategies and cross-cultural competence the main concern is to recognize cultural differences and adopt a realistic approach to them.

Common failures at different levels (discoursal, speech act selection, socio-pragmatic) underline the existing needs of people from different cultural backgrounds who need to communicate with each other.

Is intercultural communication teachable or learnable? Teachers can train the students, teach them, but nobody can develop them - they develop. That's their good right.

When the knowledge is presented by someone it remains someone else's knowledge. If we never use that knowledge we probably forget it.

If people are motivated and interested in doing things in a language they learn it.

In the process of foreign language learning it is essential to use activities with learners to introduce some of the additional strategies to help language learners adapt successfully to the new environment they could face. The students should gain practice in a near-realistic situations dealing with international communication.

The problem of raising cross-cultural awareness may have several stages leading toward understanding, tolerance and appreciation of existing diversity.

Vivid examples from fiction and newspapers, feature and documentary films/videos, culture assimilators, culture capsules, culture clusters are the best sources for culture and language learning.

Different communicative styles and approaches to meeting across cultures should be looked at, using simulation and examples on video of different cultural groups participating in problem-solving discussions should be presented. Foreign language learners need to gain communicative competence in a great variety of settings they may have to cope with.

We should teach our students how to cope with new and uncomfortable situations. Students can become familiar with the second-culture setting not only through language - based texts but also through authentic items and realia, physical objects such as postcards, photographs, images, symbols, associated with the target culture.

Talking about the role of stays abroad in acquiring intercultural competence it should be said that stays abroad are more suited to younger learners who have more free-time than adults but without careful preparation they are unlikely to be beneficial.

For adults with little time for stays in the foreign country, the new technology of cable TV, CD-rom, e-mail, and the worldwide web provides invaluable opportunities for virtual contact with the foreign culture.

I'm not suggesting these teaching ideas as panacea. But it should be remembered that only teachers that like what they are doing could make students like what they are studying.

Тубу Меликни БСУ

Каф. Лаборатории перевода Младший научный сотрудник

Своеобразие поэтических переводов Мансура Векилова

Мансур Векилов - талантливый азербайджанский поэт и переводчик, чье творчество сразу обратило на себя внимание широких кругов читателей. Придя в литературу в 60-ые годы, он смог занять свое достойное место среди таких ярких поэтов и переводчиков как В. Кафаров, С. Мамедзаде и др.

Этот человек - представитель русскоязычной азербайджанской поэзии, и его имя произносится в одном ряду с такими известными творческими личностями, как Рустам и Максуд Ибрагимбековы, А. Ахундова и др. Речь идет о заслуженном деятеле искусств Азербайджана, поэте, переводчике, журналисте Мансура Векилове.

Мансур Векилов, пожалуй, один среди немногих азербайджанских поэтов, пишущих на русском языке, которому удалось сохранить в своей поэзии ароматы и краски родной земли. Он можно сказать, что в Баку произвел ту же модернизацию русского стиха, какую параллельно и в те же годы осуществляли творцы азербайджанской поэзии Расул Рза и школа этого мастера - Али Керим, Фикрет Годжа, Вагиф Самедоглу и другие поэты. Как отмечает поэт, переводчик, современник и, наконец, добрый друг М.Векилова С. Мамедзаде, стихи его друга были «необычны на фоне писавших в традиционным ключе Бакинских русских и рускоязычных авторов. Это был преимущественно верлибр, перетекавший в строгие ритмы, а порой обретающий рифму».

Мансур Векилов в своей жизни наряду с поэтическим творчеством не мало место уделяет и переводу. Переводит он в основном своих современников. Переводил поэзию С. Вургуна, З. Халилова, А. Керима, С. Рагимова, Абульгасана, Б. Вагабзаде, Ф. Годжи, Ф. Садыхова, М. Дильбази, Ч. Алиоглу и других.

Кроме поэтических переводов Мансур Векилов занимался еще и переводом прозы. Он переводил произведения А. Айлисли, С. Ахмедова, Абульгасана, Ю. Азимзаде и др. Особый интерес представляет переводы поэзии Фикрета Годжи.

Богат и разнообразен образный мир Мансура Векилова. Достигает он этого средствами русского языка, который прекрасно знает и тонко чувствует.

Не оставляют без внимания и его творчество поэты - переводчики. В результате чего появилась книга «Осенний полет» на азербайджанском языке.

Перевод - искусство сложное, трудное. Особенно трудно поддаться переводу с ярко выраженным национальным своеобразием. Для того, чтобы успешно перевести такие произведения необходимо выделением языком оригинала. И не случайно Ф. Велиханова отмечает: «Проблема языка острее становится еще и потому, что без знания языка

переводчику труднее проникнуть в сущность индивидуального стиля переводимого им поэта, ощутить стилистические оттенки слова».

Мастер же своего дела, достаточно известный переводчик М. Векилов хорошо знает и язык оригинала и язык перевода. Вдобавок к этому он оригинальный поэт и хорошо знаком с обычаями и обрядами своей родины.

По мнению С. Мамедзаде, «коронным» переводом М. Векилова является перевод поэмы Б. Вагабзаде «Атылмышлар»: «Это пик его переводческого творчества. Он не только перевел эту поэму, он заново написал и заставил говорить ее на русском языке».

Перевод действительно стоил внимания. В целом переводчику удалось передать содержание оригинала, воспроизвести его национальное своеобразие. Сопоставляя перевод с оригиналом, замечаешь в целом бережное, чуткое отношение переводчика, как образному богатству произведения, так и его интонационному строю. В процессе сравнения чувствуется максимальная близость перевода к оригиналу. Тот же лексический строй, та же экспрессивность героя в выражении чувств.

С. Мамедзаде вспоминает: - «Лет двадцать назад друзья - коллеги взялись переводить стихи Мансура Векилова на азербайджанский язык. Произошли удивительные вещи - некоторые стихи звучали, как будто они были написаны на азербайджанском».

Поэт Фикрет Годжа: - «Мансур родился поэтом, даже если бы он ничего не написал, всем своим существом, образом жизни он вел бы полноценную жизнь поэта. Мансур Векилов человек сложный, но сложность это объясняется его высокими нравственными принципами. И не важно, на каком языке он пишет, даже если он писал бы на английской или на французском, он по-прежнему оставался бы ярким азербайджанским поэтом. Своей кровью, духом, темпераментом Мансур Векилов является одним из редких и прекрасных мастеров литературы и перевода».

Некоторые думают, что если переводчик переводит поэтический текст, то он должен покориться индивидуальности переводимого поэта. Но истинный художник не может отречься от себя. Он должен переводить дух оригинала, а не его буквы. Поэтический перевод должен звучать ни как перевод, а как самостоятельное произведение. Такими являются и переводы М. Векилова. Они становятся и фактом русской литературы.

Мансур Векилов крупный мастер художественного слова, зрелый поэт, человек высокой культуры. Как-то сам он однажды отмечал, что для него существует некий «камертон», ссылаясь на который, он судит о качестве литературного произведения. По его словам «камертон» это звучащий стержень, который создает он и соразмерность всего произведения, будь то поэзия или проза. Перевод должен быть как хороший музыкальный инструмент. Если он где-то фальшивит, то это незамедлительно ломает все звучание, тоже самое и в прозе, и в стихотворение. Начинаешь невольно испытывать недоверие ко всему произведению в целом.

Наряду с передачей формы оригинала он еще и стремится максимально близко передать национально бытовую фон идейно-эстетическую окраску и изобразительно-выразительные средства переводящего текста.

*Jeffrey Hewlett,
Fulbright Scholar
Azerbaijan State Pedagogical University*

Translating the East: English Versions of *The Thousand and One Nights*

The concept of equivalency has undergone several transformations in the development of translation theory. Early linguistic theories put forth an ideal construction of word-for-word equivalency. Alternate theories sought to produce an equivalency for each idea expressed in a text, rather than in each word. Following the trend that has overtaken all fields in the Humanities in recent years, current translation theory increasingly favors the idea of cultural equivalency. A translation must consider all the cultural codes that are constituted in language and render as near an equivalent as exists in the target language and culture.

This foundation also raises new problems. How do we define a culture? If the boundaries between language groups are cloudy, the distinctions between cultures are still more so. Does the United States of America have a unique culture? To what degree do African American authors share this culture? Do Hispanic authors writing in English take part in this culture? Do men and women in the United States share a common culture? Post-Colonial and Feminist theories would answer that culture is a complex determinate factor. All of these groups are working within distinct cultural zones they argue.³

Clearly intercultural translation requires a fluency beyond grammar and vocabulary. Indeed, much of the contemporary theory insists on the inevitability of misreadings and mistranslations, yet the translator must discover ways to bring the two worlds together, finding correspondences between practices which may be quite different yet occupy a similar cultural zone. The difficulties in such a theory increase when the cultures have constructed disparate modes for the transmission of knowledge, especially in the case of literary translation; still more so in the case of historical texts.

Opposing practices have arisen to deal with such cultural gaps. A translator can choose to provide the reader with the sound and feeling of the original text, as well as the modes of thought and rhythms of life in the culture that produced it. This method confronts the reader with difference. Ideas without cultural equivalents in the target language may be left in the original language. The literary world may become a travelogue in which the reader must assume the position of "other" in order to participate in the world of the text. On the other hand, a translator may choose to replicate the literary experience of the original audience in the target language by reducing as much as possible the dissonant cultural elements. The goal here is to render a transparent version of the text, allowing the reader's focus to remain on the poem or narrative. In this case, familiar expressions in the target language may replace more precise terms that convey little to the intended audience. Ideally, the translation admits a new readership to share a literary experience that corresponds to that of the original audience.

To evaluate this range of practices, we will consider two translations of *The Thousand and One Nights*, a work available in several English translations over the years. Perhaps the most popular translation is the 1885 edition of the Victorian Orientalist Sir Richard Burton. Burton is conveying a classic Arabic text from the reaches of the British Empire to an English readership for whom the East constitutes an exotic other. Burton takes pains to preserve much of the oriental flavor of the original, even to the point of approximating the artificial rhymed and alliterative prose of the Arabic composition. This project at times amounts to the production of an original English form.

Another translation currently very popular in the United States was made by Husayn Haddawy, an Iraqi scholar living and teaching in America. Professor Haddawy's goal is clearly to produce a comfortable experience for readers in English and to showcase stories that are part of a beloved heritage. The comparison of these two versions of *The Thousand and One Nights* will, I hope, raise valuable questions about the qualities and qualifications of a good translation. It will also inevitably point to the political nature of this sort of intercultural exchange. We must ask how many of the choices we make as translators depend upon who we are and which cultural perspectives we

privilege.

You may suspect that such a comparison is a simple case of the colonial appropriating an Eastern text and the native offering an insider's clear explanation. Certainly Burton, a military officer in the service of the British East India Company will be clumsy in rendering the world of classical Islam. His situation could not be more colonial and modern theorists must suspect abduction from start to finish. There is doubtless some truth in these suspicions, yet Burton harmonizes remarkably well with contemporary critics in his justification of his work. He disdains the scholars of his day and his fellow officers who see a detached competence in language as sufficient for translation. He believes that culture is lived in language and that true understanding is derived more from the bazaar than the book. Some of Burton's biographers have even portrayed him as a trailblazer in the field of ethnography. He peppers his translation of *The Thousand and One Nights* with a thousand and one footnotes, as many of them dealing with Muslim life and belief as with the Arabic of the text. Burton himself states in the introduction:

I ... address the reader in a few final words.

He will not think lightly of my work when I repeat to him that with the aid of my annotations, ... the student will readily and pleasantly learn more of the Moslem's manners and customs, laws and religion than is known to the average Orientalist, and, if my labors induce him to attack the text of *The Nights* he will become master of much more Arabic than the ordinary Arab owns, (xxxvi)

This is an impressive claim which gives further evidence that Burton distinguishes himself from the academic translators of Arabic by his superior understanding of Eastern life and culture.

He is not modest about his linguistic skills, but that is merely his second claim. Contemporary critics may challenge whether Burton in fact understood Arab culture as well as he thought, but clearly his goal as a translator was to

bring the world of classical Islam to his audience as completely as possible.

On the other hand, we may expect Husayn Haddawy's translation to be much more culturally sensitive. A native Arab speaker, working from the authoritative Mahdi manuscript, the product of Arab scholarship, must be the more capable as a translator of a Middle Eastern text. His focus must surely rest on the meanings current in the original culture. But is it his culture? The 14th century Mahdi manuscript is more remote in time from Haddawy than Shakespeare's plays are from my American students. Indeed, most of the footnotes Haddawy adds are historical and he uses them very sparingly, especially in contrast to the verbose Burton. This lack of scholarly comment is consistent with the overall bareness of Haddawy's translation. The English prose is simple and unadorned. Terminology is readily understood by Haddawy's English speaking audience.

In some cases, Haddawy seems too accommodating to his American readers. Burton, who condemned the practice of his contemporaries in resorting to exotic Arabisms when perfectly good English equivalents existed, himself allowed exclamations like "Bismillah" and "Inshallah" to remain, confident that his English readers were familiar with these expressions. Haddawy, on the other hand, translates even these formulae, creating such passages as "By the Almighty God" and "If God wills it." Perhaps this is an attempt to appeal to a multicultural audience of many different religious groups. As such, Haddawy's translation would be comfortable in its cultural neutrality. Less successful, I think, is Haddawy's rendering of *Ifrit* and *Jinni* as "demon." The demon occupies a specialized and more narrowly religious cultural zone than do the supernatural beings of the Arab tales. Moreover, the popularity of such tales in American life makes this translation unnecessary.

A passage that illustrates the differing effects of the two translations occurs in the cycle of tales entitled "The Porter and the Three Ladies of Baghdad." The episode begins as a shaggy dog story in which the porter is hired by a beautiful young woman whom he follows through the bazaar as she buys flowers and fruits from the fruit seller, meat from the butcher, Vegetables and dairy products from the grocer, sweets from the confectioner and perfumes and sugar from the druggist. Both translators record these events faithfully, Haddawy in his plain prose and Burton in his more florid style. Burton, too, uses many archaisms to indicate that we are dealing with a historic text. However, his Shakespearian flourishes don't disturb the narration of events. Both translations vividly record the shopping trip and the porter's complaints about the growing weight of his basket.

The description of the second and third ladies introduces significant differences in the translations. Haddawy lists the attributes of the second lady, who answers the door, as follows:

She was all charm, beauty, and perfect grace, with a forehead like the new moon, eyes like those of a deer or wild heifer ... cheeks like red anemones, mouth like the seal of Solomon, lips like red carnelian, teeth like a row of pearls set in coral, neck like a cake for a king breasts like a pair of big pomegranates ... and belly with a navel like a cup that holds a pound of benzoin ointment. (68)

Haddawy's description is a simple enumeration, one item after the other. Stated in this form, the description clearly recalls the trip through the market. Eyes like a deer or wild heifer: meat from the butcher. Cheeks like anemones, mouth like Seal of Solomon: flowers from the fruit seller. Neck like a cake for a king: sweets from the confectioner's. Breasts like pomegranates: again the fruit seller. Navel like a cup holding benzoin ointment: the druggist. Haddawy's prose makes clear that the description of the lady is a kind of shopping list. The appearance of the third lady, to a lesser extent, also recalls the market:

She had an elegant figure, the scent of ambergris, sugared lips, Babylonian eyes, with eyebrows as arched as a pair of bent bows, and a face whose radiance put the shining sun to shame, for she was like a great star soaring in the heavens, or a dome of gold, or an unveiled bride, or a splendid fish swimming in a fountain, or a morsel of luscious fat in a bowl of milk soup. (69)

While this description adds some abstract similes, it still savors slightly of the shopping trip. Ambergris and sugar are both purchased at the druggist, while the fish and the wonderfully precise soup image again return to the idea of consumption. Haddawy's translation lets us see the continuation of the theme even as it weakens in successive descriptions.

Burton's description of the third lady, however, all but obliterates the pattern of shopping images built up in this part of the story. More important is the sound of the passage:

Thereupon sat a lady bright of blee, with brow beaming brilliancy, the dream of philosophy, whose eyes were fraught with Babel's gramarye and her eyebrows were arched as for archery; her breath breathed ambergris and perfumery and her lips were sugar to taste and carnelian to see. Her stature was straight as the letter I and her face shamed the noon-sun's radiancy; and she was even as a galaxy, or a dome with golden marquetry or a bride displayed in choicest finery or a noble maid of Araby. (49)

Burton's first consideration is to reproduce the sound and style of the Arabic text, which consists of an artificially rhymed prose. He realizes that this may not be to his readers' taste, but he defends it thus in his introduction: Despite objections manifold and manifest, I have preserved the balance of sentences and the prose rhyme and rhythm which Easterns look upon as mere music. This "Saj'a," or cadence of the cooing dove, has in Arabic its special duties, it adds a sparkle to description and a point to proverb, epigram and dialogue; it corresponds with our "artful alliteration" (which in places I have substituted for it) and, generally, it defines the boundaries between the classical and the popular styles which jostle each other in *The Nights* ... This rhymed prose may be "un-English" and unpleasant, even irritating to the British ear; still, I look upon it as a *sine qua non* for a complete reproduction of the original. (Burton xxix)

Here we have two different notions of literary translation. Both men isolate elements of the text they wish to represent in the target language. For Burton, literary style is primary, not only for effect—indeed, the effect may be an unfortunate one— but to illustrate the clash of high and low literary forms that constitute the original work. Reproducing sounds, rhythms and varieties of diction is absolutely essential in Burton's assessment. Other than setting the interpolated poems in a noticeably higher register, Haddawy makes no effort at all to represent the clashing literary styles in his English translation. More important is keeping the imagery as clear as possible so that a developing thematic pattern remains highly visible. Both of these are valid goals of the literary translator. The emphasis depends on the individual translator.

Haddawy's translation differs further in that it includes the second stage of the Porter and the Three Ladies tale. Burton, acting as editor as well as translator, deleted the episode, believing that his readers would consider it obscene. The scene, probably the oldest part of the Three Ladies narrative, is in fact a dirty joke. In it, the porter describes the naked women using terms varying in register from the crude idiom of such sexual humor, to the language of reproduction, to a very

clinical scientific terminology, are all rejected by the women as shameful. They protest his "ugly" and disrespectful choice of words by slapping and boxing him until he asks in frustration to be corrected. Finally, he catches on to their game and uses the same strategies to win their laughter and appreciation.

Haddawy includes this material, not because the American audience is less uncomfortable with the sexual content, but because it is now essential to various feminist readings of the 1001 Nights. The fact that the porter transfers his desire to the realm of discourse mirrors the work that Shahrazad is doing with the mad King Shahrayar. Though her cliff-hanger stories begin as a ploy to gain time, Shahrazad's manipulation of narrative desire begins to suggest a new and healthier pattern of sexuality. Fedwa Malti-Douglas explains the technique thus:

Rather than taking on directly the king's fractured pattern of physical lovemaking, Shahrazad shifts the problem of desire from the area of sex, the realm of Shahrayar's trauma, to the superficially more distant and more malleable world of the text. Her storyteller teaches a new type of desire, a desire that continues from night to night. (Malti-Douglas 22)

Thus, Haddawy's translation is prepared for use in the postmodern academy in which feminist and postcolonial theories have prominence. In his introduction, he points out the multicultural origin of the tales and the fact that they had been transmitted orally for years before they are finally recorded during the Islamic caliphate. He also positions himself within a living oral tradition—and a feminist one at that—by relating that he first heard these tales from a group of old women in Baghdad. In other words, no matter what theory of translation we may hold, the target audience would seem to be as influential as the original text and culture in determining the choices made in translation. Haddawy hails from Baghdad and is a native Arab speaker, yet his 1001 Nights is arguably less Arab than Burton's. Haddawy carefully translates out most of the identifying signatures of classical Islamic life while harmonizing his text with the prominent theories of the Western academy.

Burton, on the other hand, prepares a compendium of information on the Arab language and culture, while championing a view that language cannot live apart from culture. He imitates the rhyme and rhythm of medieval Arabic and defends this aesthetic against British critics. While part of a colonial enterprise, Burton felt no great devotion to the seat of empire. He grew up abroad and had to create his own professional niche as a writer. His knowledge of the East was the possession with which he would challenge the scholars and Orientalists of whom he speaks so dismissively. His translation reflects his position as an outsider to the academic world.

What cultural and political forces are acting upon a translator? Husain Haddawy published his translation of 1001 Nights in 1990. That same year the American army was sent to confront Iraq for the first time. No translation of the Nights is more English-friendly and comfortable for readers in the target language. It is difficult, however, to know where the tales take place. "Arabian Nights" (Saudi Arabia was an ally of the United States, and hosted American military bases during the Gulf War) crosses the cover of the book below an abstract image that might represent anything. Is this translation softened and cleansed of its Islamic sensibilities to meet a political situation in which Iraq has been demonized? Is that why the Jinn have fled to be replaced by demons? Or is this simply a good translation, one which approximates the experience of the original audience without continually pointing out cultural difference?

Both Burton and Haddawy have made valid literary choices in translating a classical text, but both have also been affected, consciously or unconsciously, by cultural power dynamics. I present this issue as one that is relevant to scholars now working in Azerbaijan. The rich literature of Azerbaijan boasts many classical texts that are not presently available in English translation. The English-speaking world deserves to know about this treasured heritage. As scholars in this faculty are the most qualified to produce new English translations, we should identify the unique problems of translating historical texts. Translators working to share Azerbaijan's literary tradition will be faced with the same choices as were Haddawy and Burton. They must decide which elements constitute the essential nature of a classical work. Can an approximation of verbal music or meter be rendered in English? Should we seek the most accurate sense-for-sense equivalency even if it means that poetic qualities will be sacrificed? The nature of the text will set certain boundaries, but, for the most

part, it is the translator's judgment that must determine which qualities will be emphasized in a good translation.

FINAL DOCUMENT
**International Conference on "Translation and
Transcultural Processes"**
Jointly organized by
**The Azerbaijan University of Languages (AUL) The
UNESCO Chair in Translation and Intercultural
Studies**
**The National Commission for UNESCO of the Republic
of
Azerbaijan**

AUL, Baku, April 14-15, 2005

The conference pointed out the historically significant role of translation in cultural development. Through its contribution to a better understanding of transcultural processes, the conference was one in a series of successful steps towards the development of the Azerbaijani language and culture, thus also promoting the integration of Azerbaijan in today's globalized environment.

Its recommendations are as follows:

1. To *seek UNESCO's support* in the development of the Azerbaijani terminology (compiling printed and electronic dictionaries) so as to *enhance the communication capacity of the country's language in specialized areas*, notably for education purposes;
2. To establish a *coordinating center* at AUL for the development of terminology in the *Turkic-speaking countries*;
3. To promote *research into the theory of translation* within *Turkic* languages;
4. To promote *research in translation and terminology* as it relates to the development of the Azerbaijani language and of its communication capacity (notably as a mother tongue in the field of education);
5. To approach relevant agencies about the need: to *compile or reprint specialized (unilingual and bilingual) dictionaries'*, to *translate selected works in literature and specialized fields* into Azerbaijani, with a view to developing the national language;
6. To *create an electronic data bank* regrouping Azerbaijani texts (written or translated, in various areas : media, technical, scientific, literary...), so as to facilitate *research into the present and evolving structure of the Azerbaijani language* (e.g. at the lexical level) and to help in the *codification of the national language* for education and communication purposes;
7. To *establish formal links with international associations* in the field of translation and related disciplines to promote the *exchange of knowledge*;

8. To *establish links with leading universities in the world* for the development of *translator training* projects;

9. To establish a *Coordination Board* at AUL with a view to *developing a literary translation strategy* for the country, and to publish a *newsletter*,

10. To promote the *translation of the scientific and literary heritage* of Azerbaijan into foreign languages;

11. To establish a *website listing past and future literary works* written in Azerbaijani or translated into Azerbaijani, in cooperation with the main libraries in the Republic and UNESCO's *Index Translationum*;

12. To *establish a Department of Literary Translation at AUL* in view of the unprecedented need for direct translation from and into the national language to promote intercultural communication; and to restore the teaching of translation in AUL faculties where it previously existed;

13. To *publish AUL students' dissertations on translation theory* to bridge the resource gap in this domain, pursuant to the Decree of the President of the Republic of Azerbaijan of September 2004 on the Publication of Scientific and Literary Heritage of Azerbaijan in Latin Script;

14. To *publish newsletters on translation issues* as a joint venture between AUL and *Moscow State University of Linguistics* (2 issues per year, alternatively at AUL and MSUL);

15. To *update the AUL translation curricula and teaching materials*, and to enhance the training of its trainers, including through better access to relevant national and international publications;

16. To establish a *translation training laboratory* in the AUL Faculty of Translation;

17. Given the urgent need for simultaneous interpreters in Azerbaijan: to seek support from the relevant agencies for the creation of a *training program in simultaneous interpreting* at AUL; to seek support from the relevant public and private agencies for the *purchase of training equipment*;

18. To *introduce psycholinguistics in the curriculum* as a separate course and to *establish a laboratory of Psycholinguistics and Social Studies* at AUL, thus recognizing the significant role of psycholinguistics in the study of language and language transfers;

19. To *promote computer-aided translation* at AUL and in the Republic;

20. To approach the relevant institutions in Azerbaijan about a *skill-testing exam* for admission to the Faculty of Translation.